

18+

не мой
РОМЕО

Угрозило же мою Джульетту
связаться с таким Ромео!

ИЛЬЗА МЭДДЕН-МИЛЛЗ

Ильза Мэдден-Миллз

Не мой Ромео

Серия «Не мой Ромео. Хиты Ильзы Мэдден-Миллз»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66847588
Не мой Ромео / Ильза Мэдден-Миллз ; [переводс английского А.
Кабалкина]: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-162201-5

Аннотация

Ильза Мэдден-Миллз – автор бестселлеров Wall Street Journal, New York Times и USA Today.

«Не мой Ромео» – первая часть романтической дилогии. История любви знаменитого квотербека и девушки из маленького городка. Джек Хоук не просто плебей и кумир миллионов. Оказывается, за идеальными мускулами и модельной внешностью скрываются семейные тайны и душевные раны. Он не готов доверять женщинам вновь, но в его жизни появилась Елена. Сможет ли футболист дать самому себе шанс обрести счастье? Ведь это даже сложнее, чем выиграть Суперкубок.

День святого Валентина. Свидание вслепую. Пара бокалов джин-тоника. Совместная ночь.

На следующее утро оказалось, что Елена провела ночь со знаменитым квотербеком. И ему еще хватило наглости просить ее подписать договор о неразглашении? Да и черт с ним. В графе «Подпись» – Джульетта Капулетти. Пускай этот красавчик помучается, чтобы найти ее. Но Джек Хоук так просто не сдастся. Он намерен отыскать свою Джульетту. Правда, отголоски прошлого все еще мешают ему доверять женщинам.

Будет ли у этой истории счастливый конец или шекспировская трагедия разыграется вновь?

«Джек Хоук – моя новая зависимость. Ничего не могу с собой поделать, я так люблю сексуальных и сломленных мужчин. Особенно, когда они к тому же такие милые и заботливые, вы просто хотите обнять такого человека и навсегда защитить от этого извращенного мира!» – *The Masque Reader*

«Прекрасно написанная романтическая комедия... Семья Елены, очаровательный городок Дейзи, неотразимый Джек Хоук и минипиг Ромео – все это создает идеальную историю». – *Romance Reader Gal*

Содержание

1	6
2	16
3	32
4	40
5	46
6	59
7	77
8	88
9	105
10	116
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Ильза Мэдден-Миллз

Не мой Ромео

Ilsa Madden-Mills
NOT MY ROMEO

Copyright © 2020 by Ilsa Madden-Mills This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Cover design by: Hang Le

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© AZAR KARIMLI, Rainbow Black / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

В оформлении форзаца и нахзаца использована иллюстрация: © RaiDztor / Shutterstock.com. Используется по лицензии от Shutterstock.com.

Перевод с английского *Аркадия Кабалкина*

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. Издательство
«Эксмо», 2022

1

Елена

Если бы я курила, то сейчас у меня изо рта торчала бы сигарета. А то и две.

Но я не курю, поэтому, с трудом отыскивая для своей машинки *Ford Escape* местечко на забитой стоянке, нервно грызу ноготь на большом пальце. Озираюсь, оцениваю благородство камня и кедровых панелей, которыми отделан вход, моргаю от слепящей рекламы. «Милано» – пятизвездочный ресторан, один из лучших в Нэшвилле, столик здесь приходится заказывать за месяц, тем не менее человек, с которым я встречаюсь, умудрился обойти очередь. Это впечатляет.

Я прерывисто вздыхаю.

Кто – нет, ответьте, кто?! – согласится на свидание вслепую в День святого Валентина?

Я, кто же еще.

– Пора перерезать ленточку! – говорю я вслух неизвестно

кому.

Мне предстоит свидание с Грегом Циммерманом, ведущим прогноза погоды на канале *NBC* в Нэшвилле. Предположительно он высокий красивый брюнет, немного занудный, с недавних пор оставшийся без пары. Для меня в самый раз, правда?

Почему же я так ерзаю?

Не откосить ли от свидания, сославшись на головную боль? Ну уж нет, только этого не хватало! Во-первых, я обещала Тоферу, моему соседу, что не струшу; во-вторых, мне все равно больше нечем заняться; и в-третьих, я страшно проголодалась.

Нам предстоит просто быстрый ужин, что бы там ни нес Тофер. Вспоминаю его болтовню и ужимки сегодня в библиотеке: череп на футболке – символ группы *Grateful Dead*, джинсы в облипку, а сам он в этом во всем неуклюже изображает наездника. *Укроти его, как племенного жеребца, Елена! Отпусти поводья, прищипь его, загони, чтоб наавтра шагу не мог ступить! Заезди, чтобы не выговорил даже свое коронное: «Облачно, возможен снег».*

Я сдуваю со лба непослушный локон и заправляю его за ухо. Не планирую я никого объезжать, вообще никакой возни: вкусно поесть – вот и вся моя цель. Предпочитаю итальянскую кухню, заранее представляю обильную порцию пасты, чесночный хлеб...

Будь умницей: поздоровайся, не груби, наешься до отвала

– и сваливай.

И потом, что плохого в том, чтобы с кем-то познакомиться?

Я опускаю зеркало заднего вида и изучаю свое отражение. Бледная как полотно! С трудом нахожу в сумке губную помаду, малюю себе пышные вишневые губы, прикладываю к ним салфетку. С критическим вздохом поправляю на шее ожерелье, проверяю, действительно ли к нему подходят сережки. Если начистоту, во мне нет ничего особенного. Нос островат, рост маловат: пять футов три дюйма с четвертью, это если босиком. Эта самая четвертушка портит мне жизнь: из-за нее я проваливаюсь в расселину между «малышкой» и «стандартным размером», отчего обречена носить либо слишком короткое, либо слишком длинное. Если мне хочется, чтобы вещь хорошо на мне сидела, приходится шить ее самой.

Снова кошусь на себя в зеркало, снова вздыхаю.

Надеюсь, Грег не разочаруется.

Я вылезаю из машины и подхожу к роскошным дубовым дверям. Швейцар в черном с улыбкой открывает мне дверь.

– Добро пожаловать в «Милано», – бормочет он, и я, преодолевая страх, вхожу, шурю, как будто так лучше видно в темноте.

Черт!

От страха по спине бегут мурашки.

Угораздило же меня отказаться взглянуть перед встречей на фотографию Грега!

Штука в том, что мне хотелось... сюрприза. Когда влачишь такое скучное, рутинное существование, как мое, то выискиваешь любые способы его подперчить. Долой простой кофе, да здравствует мятный латте! На повестке дня взрыв мозга! Если вечно завязываешь волосы пучком, то наступает момент их распустить – и плевать на последствия. Никаких фотографий, просто иди и ищи парня в синей рубашке. Это казалось вдохновляющей перспективой, вот только сейчас, разглядывая посетителей, я ругаю себя на чем свет стоит. В холле меня никто не встречает. По дороге я отправила ему эсэмэску, что попала в пробку, но ответа не получила. Может, он уже уселся за столик и ждет?

Влюбленную парочку провожают вглубь зала, а на меня никто не обращает внимания, поэтому я нервничаю и поправляю свою узкую прямую юбку. Может, надо было нарядиться во что-нибудь соблазнительнее? У меня в шкафу не помещаются оставшиеся от бабушки облегающие платица...

Дудки!

Я такая, какая есть. Если не понравлюсь, пусть идет куда подальше.

Вот такая я.

Простояв в одиночестве битых пять минут, я чувствую, что у меня взмок затылок. Куда подевалась администраторша? Вышла покурить?

Я сажусь на длинную скамью, достаю телефон и пишу ему

новую эсэмэску:

«Я здесь, в фойе».

Ответа опять нет.

Я уже психую, под ложечкой сосет. Сама его отыщу. Изображая уверенность, которой у меня на самом деле ни на грош, покидаю фойе и быстро обхожу ресторан. Уже через пару минут я готова провалиться сквозь землю; мне стыдно тарашиться на посетителей, и я скромно занимаю место в нише рядом с туалетом, чтобы оттуда высматривать мужчин, проводящих День святого Валентина в одиночестве.

Лучше бы Тофер определил мне для этого свидания другой вечер: знает ведь, что у меня дурные ассоциации с этим праздником! На школьных танцах мой ухажер Боб Картер перебрал газированного пунша и заблевал мое белое платье сверху донизу. В колледже у меня был бойфренд со своеобразным представлением о романтическом вечере: верхом его изобретательности было заказать его любимые суши и до одури резаться онлайн в видеоигры с друзьями. Не припомню ни одного приличного Дня святого Валентина за все мои 26 лет.

Бац! Мой взгляд падает на рослого брюнета в синей рубашке с воротником на пуговицах, с закатанными до локтей рукавами. Он расположился в дальнем углу и сидит там один-одинешенек, упершись взглядом в стену. Вокруг него одни пустые столы – удивительно, как он умудрился уединиться в такой людный вечер. Официант приносит его заказ.

Я прикусываю губу.

Как он смеет лопать без меня?

На столе лежит телефон. Нахал! Почему он мне не ответил?

Судя по тому, как он расположился в мягком кожаном кресле, он выше, чем я думала.

Минуточку! Он мне смутно знаком. Так бывает: вроде бы знаешь человека в лицо, но никак не можешь припомнить имя. Мама и тетя Клара никогда не выключают у себя в салоне красоты телевизор, поэтому я вполне могла увидеть его в новостях...

Я достаю из сумочки и надеваю свои узенькие очки в белой оправе. Сердце колотится как оголтелое, в животе уже трепещут бабочки. Вот это да! Нет, не может быть, чтобы это был он. Он... он сногшибательный, не просто красавчик, а бери выше – прямо кинозвезда: зачесанные назад темные волосы – волнистые, непослушные, с бронзовым отливом, шелковые пряди касаются щек – для телеведущего, на мой взгляд, длинноваты, но кто я такая, чтобы судить о мире телевидения? У меня и телевизора-то нет.

Он поднимает руку, чтобы поправить волосы, и я распахиваю глаза: сквозь рубашку видно, какие у него накачанные мышцы – что бицепсы, что грудные. Ну, и плечи – шире не бывает.

Вы бы видели!

Это же он, я не ошиблась?

Я в том самом ресторане, он сидит один, на нем синяя рубашка. Брюнет. Пока что все правильно. Выходит, это и есть тот, с кем у меня назначена встреча.

Красавец поворачивается к окну, нетерпеливо барабанит пальцами по столу, позволяя мне любоваться его профилем. У него длинный прямой нос, темные выгнутые брови, волевой подбородок. Чувственные губы, нижняя соблазнительно пухлее верхней. Я уже улавливаю в его облике сладостную порочность. Такие, как он, приковывают взор, заставляя гадать, не мираж ли это. Я видела похожих парней в университете Нью-Йорка – сексуальных, спортивных, не покидавших спортзал. Вот только я не представляла для них интереса. Я любовалась, как они тренируются, бродя вокруг этих живых механизмов, из-за которых у меня в животе было тесно бабочкам, а в это время высокие гибкие красотки, в отличие от них совсем не потные, снабжали этих парней полотенцами, бутылочками с водой и обещаниями секса.

Этого красавчика, правда, не назовешь массивным, в отличие от тех мускулистых парней с толстыми шеями и багровыми лицами. Он тоже силен, но не избыточно, хотя тело у него, без сомнения, ладное, твердое и...

Елена! Хватит про тело! И так ясно, что он в твоём вкусе. Двигайся дальше.

Грег отхлебывает янтарную жидкость, обхватив высокий хрупкий стакан длинными загорелыми пальцами, и скользит глазами по залу. Похоже, он оценивает каждого, кто попа-

дает в его поле зрения, я чувствую исходящий от него жар даже на расстоянии двадцати футов. У меня по спине бегают мурашки размером с болонку. Есть в нем какой-то первобытный животный магнетизм, который волнами распространяется во все стороны. «*Я альфа-самец!* – кричит язык его тела. – *Отведайте меня!*» Я замечаю, как смотрят на него женщины; мужчины – и те обращают на него внимание. По ресторану уже порхает шепоток. Как занятно! Оказывается, у его программы много зрителей.

Его взгляд добирается до меня и, не останавливаясь, ползет дальше.

Я ни капельки не удивлена.

Я делаю шаг назад, в тень.

Черт с ним! У меня судорожно сжимаются пальцы. Я мечтала о милом зануде... а не о сексуальном звере!

Судя по его гримасе, он раздражен. *Жизнь слишком коротка, чтобы сердиться, мистер.* Чего он, собственно, бесится? Я здесь. Вот она я!

Грег, между прочим, видел мою фотографию, как утверждает Тофер.

Что, если на самом деле он не хочет с тобой встречаться? Вдруг надеется, что ты не придешь?

Я нетерпеливо переминаюсь с ноги на ногу. Пора уходить. Время вышло.

Дома меня ждет уйма дел. Кое-что зашить, пообниматься с Ромео...

По «Милано» витают заворачивающие ароматы, мой желудок отзывается на них голодным урчанием. Все уже наверняка заметили застрывшую перед туалетом особу...

Представляю, что все рестораны, кафе, закусочные между Нэшвиллом и моим Дейзи забиты сейчас под завязку. Можно, конечно, купить что-то в «Макавто», но это так жалко и унизительно – биг-мак с жареной картошкой в День святого Валентина! К тому же завтра вся любопытная семейка замучает меня вопросами. Все они в восторге от этого свидания вслепую: *«Оооо, у Елены свидание с ведущим прогноза погоды! Спроси, носит ли он в кармане барометр или это он просто так рад тебя видеть?»* Эта жемчужина юмора – детище тети Клары. Если я сейчас струшу и сбегу, придется дорого за это заплатить: как я ни храбрюсь, всем известно, что я уже много месяцев сама не своя.

Я устраиваю себе мысленную выволочку.

Отрасти себе яйца, Елена. Нельзя провести всю жизнь на обочине.

Соберись, в конце концов, с силами и возьми то, чего тебе хочется.

Он такой горячий, что того и гляди испарит из розы всю росу. Подумаешь!

Он кажется опасным – подумаешь!

Ты голодна как волк. Вот и действуй – хотя бы ради пасты.

У тебя с ним свидание. Хватит мяться.

Я собираю все силы, разворачиваюсь на каблуках в сторону Грегга и выхожу из тени.

2

Джек

– Вы – это он, да? – Нервный смешок. – *Он самый?*

Я поднимаю глаза от стакана с виски и всматриваюсь в маленькую темно-рыжую женщину, выросшую передо мной в тот самый момент, когда я наконец-то собрался насладиться едой, чего чертовски трудно добиться, когда моя физиономия торчит на всех экранах. Вот и здесь все либо откровенно на меня тарашатся, либо по меньшей мере повернулись в мою сторону.

На ней застегнутая почти до самого подбородка блузка, узкая черная юбка, туфли на низком каблуке. Ну-ка, что у нее за личико? Заколотые на макушке волосы, очки в белой оправе. Только этого не хватало: очередная репортерша! Я сжимаю под столом кулаки и озираюсь. Куда запропастился официант? Я тяжело вздыхаю, откидываюсь на спинку кожаного кресла, сердито на нее гляжу. Отчасти нервничаю, от-

части негодую.

– Все верно, я – это он.

«Какого дьявола тебе нужно?» – читается у меня на лице.

Трепет темных ресниц на кремовой мордашке, попытка собраться с мыслями, гримаска, изображающая решимость. Она сглатывает и, не давая мне возразить, садится в кресло передо мной.

Теперь моргаю я.

Она шумно выдыхает.

– *Слава богу!* Вас выдал воротничок на пуговицах – и то, что вы один. – Девушка скользит глазами по моей груди, похоже, ее впечатляет размах моих плеч. – Рада, что нашла вас. Простите мое опоздание. У меня была фотосессия для Ромео – у него очень популярный Инстаграм, а главное, в центре Нэшвилла жуткие пробки!

Простить ее опоздание?

Фотосессия? Ромео? Где-то я слышал это имя... Новый игрок в Лиге?

– Ммм... – Чтобы скрыть замешательство, я снова прикладываюсь к виски, недоверчиво на нее поглядывая. Лоренс – он у меня за PR-менеджера – что-то говорил о спортивной блогерше, сочувствующей мне в связи с тем, что я в последнее время теряю популярность, и задумавшей изобразить меня в благоприятном свете.

Впрочем, ему отлично известно, что я не перевариваю репортеров.

Почему он меня не предупредил? Черт бы его побрал! Вечно он своевольничает, никогда ни во что меня не посвящает!

Позвонить ему, что ли, пусть доложит, кто она такая. Хотя...

– То есть вы – блогер? – спрашиваю я.

У нее расширяются глаза и бледнеет лицо.

– Да, я веду блог...

– Гм...

Она молча смотрит на меня, качает головой.

– Придется спустить с Тофера шкуру! Зачем он вам про это разболтал? А-а, поняла, он считает, что я должна всем об этом рассказывать. Никак не возьмет в толк, что такое маленький город, особенно наш Дейзи. Только попробуй выдать свои секреты – и все, увидев тебя на улице, будут вспоминать только их. А уж слухи... Боже упаси!

Я изучаю ее из-под полуприкрытых век, прикидывая, с кем имею дело. Никакого Тофера я не знаю. Зачем ей скрывать свой блог? Вдруг она не спортивная блогерша? Я привык к женским приставаниям, особенно к назойливым фанаткам. В прошлом, особенно в колледже и в первые годы выступления в профессиональном футболе, я это только приветствовал, выбирая самых красивых и принимая их предложения: ключи от гостиничных номеров, бумажки с номером телефона... Некоторые просачивались на наши профессиональные вечеринки. Нет, эта не из их числа. Пла-

ть не облегающее, макияж на минимуме, образ прилежной студентки.

А она продолжала тараторить:

– Хотите правду? Клара – это моя тетушка – выпроваживает своего бойфренда через черный ход, чтобы его никто не увидел. Он оставляет машину за церковью и тащится к ней пешком. Ей сорок, между прочим. Это чтобы ей не пришлось всем рассказывать, что у нее роман с почтальоном. – Она выгибает изящную бровь. – Скотти на десять лет моложе ее. Не мужчина, а находка.

– Понятно. – Оказывается, «Черная туфелька» разговорчива! И не обязательно на тему футбола.

Она слабо улыбается.

– Вам ли рассказывать, что значит избегать публичности, не выставляя напоказ свою личную жизнь!

Святая правда. Даже стаканчик виски в людном месте для меня – причина паранойи. Каждый мой шаг я представляю в виде заголовков. *«Джекс Хоук выпивает! Неужели нэшвиллского квотербека снова поймают пьяным за рулем?»* Меня наказали за пьяную езду всего раз в жизни, пять лет назад, на втором году игры в Национальной футбольной лиге, тем не менее этого никто не забыл. Было дело, в прежние времена я вел разгульную жизнь. Думал, со славой и деньгами мне море по колено. Дурак был.

– Верно, моя приватность мне очень дорога.

Я приступаю к пасте, жую, глотаю, не спуская с девушки

глаз. Она взведена как пружина, часто дышит, того и гляди вскочит и убежит.

Черт, кто сказал, что она из числа сочувствующих? Вдруг это просто хитрость, способ раскрутить меня на сюжет для статьи?

Несколько секунд мы оба молчим, она принимается ерзать, но взгляд по-прежнему внимательный. То, что я ем, а она нет, – это, конечно, грубость с моей стороны, но не родился еще репортер, про блогеров и первых встречных я вообще молчу, из-за которого я бы не стал...

Она кусает свои пухлые алые губки – злится, что ли? Не губы, а какое-то буйство плоти. Греховное зрелище.

Смотрит сквозь большие белые очки прямо мне в глаза. У нее они зеленовато-голубые, с густыми черными ресницами, и от их суровости мне становится не по себе.

– Между прочим, это невежливо – начать ужинать, не дождавшись меня. Я же отправила вам сообщение, что буду чуть позже.

– Я не видел. И очень проголодался. Извините. – Я небрежно пожимаю плечами, раскаяния в моем голосе не слышать при всем желании.

Официант торопится к нашему столику, поправляя на бегу свой черный костюм.

– Сэр. – Он косится на... кем бы она ни была... и наклоняется ко мне. – Извините нас за то, что она проскочила. Вы же понимаете, это самый напряженный вечер в году. Прино-

сим вам извинения. Вызвать охрану?

«Черная туфелька» вся на нервах. Она сверлит взглядом официанта, на ее лице нешуточный гнев.

– Между прочим, я здесь, перед вами. И имею на это полное право. Мы условились о встрече. Это *свидание*.

Я мечу глазами молнии. Не пойму, о чем это она.

Девушка выпрямляет спину и с вождением смотрит на мою тарелку с пастой.

– Мне то же самое, и хлеб тоже. – Она указывает на мои наполовину съеденные спагетти болоньзе. – И бокал красного вина. Нет, лучше джин-тоник и двойной *Hendrick's* с огурцом. Давайте начнем со спиртного. Благодарю вас.

У нее легкий южный акцент, отчего вся ее речь кажется подслащенной и одновременно такой цепкой, что я непроизвольно кривлю губы. Она напоминает мне мамино пуделя: тот тоже вот так взбрыкивал при любом намеке на несправедливость.

Официант недоуменно моргает, смотрит на меня, на его лице мольба.

– Еще раз прошу принять мои глубочайшие извинения, сэр...

Я отпускаю его жестом. Принято интуитивное решение. Мысль о том, что мне придется о нем пожалеть, решительно отбрасывается.

– Не утруждайте себя. Лучше накормим даму, хорошо?

Официант отвешивает глубокий поклон и убегает. Все

мое внимание теперь принадлежит девушке.

Я внимательно изучаю ее внешность, составляю каталог ее черт, а не бегло поглядываю, как несколько минут назад. Красоткой из глянцевого журнала ее не назовешь, но что-то манящее в ней все же присутствует. Может, дело в ее консервативном наряде, намекающем на соблазнительные изгибы под ним. А может, это все ее губы. Да-да, губы! Не знаю, намеренно или интуитивно, но она использует их как орудие соблазна: то подождет, то легонько прикусит нижнюю...

Недаром я – один из лучших квотербеков Лиги: я обладаю особенным умением расшифровывать гримасы и тики на лицах соперников. Сейчас трудно не заметить, что она смотрит на меня так, словно не находит во мне ничего выдающегося: без малейшего воодушевления в глазах, без трепета ресниц, без восторга при звуке самого этого весомого имени – Джек Хоук. Поразительно!

– Что я вижу? По вашей блузке порхают крылатые поросята! – Я щурюсь, разглядывая ее глухо застегнутую белую блузку с черным бархатным воротничком, как у Питера Пена.

– Да. Шедевр одного дизайнера из Нью-Йорка. Я заказала эту ткань месяц назад. С ума по ней схожу! Даже сшила из нее подушку для Ромео.

– Ромео – новый нападающий в «Сэйнтс»? Прошлогоднее приобретение?

Она склоняет голову набок.

– Ничего подобного. Это мой пузатый поросенок, мой любимец. Найденыш, сладчайшее существо. Ну, может, и не сладчайшее, но я не смогла его не приютить, когда его подбросили к порогу салона красоты напротив моего дома. Он был уже полумертвый. Между прочим, после этого, месяц назад, кто-то оставил у меня на пороге целую коробку крохотных котят с адресованной мне запиской. Можете в такое поверить? Как будто знали, что я обо всех позабочусь. Я для всех подыскала хозяев, остался один котик. Может, возьмете? Черно-серый, само очарование, и уже много чего умеет, клянусь!

Я подавляю смешок. Ну и девушка!

Раз Ромео – мини-пиг, а не футболист, то что здесь вообще происходит? И что будет дальше?

– Обойдусь без кота.

– Кошки нужны всем. С ним вы полюбите.

– Мне это так необходимо?

– Во всяком случае, не повредит. Хотя одного кота может не хватить. Вы, похоже... – неопределенный жест, – напряжены.

Знала бы она...

– Понятно.

– Может, вы собачник?

– У меня нет времени на домашних животных.

Она строит гримасу.

– На случай, если передумаете, советую все же взять кош-

ку. Ничего не имею против собак, но они готовы полюбить любого. Кошки разборчивее, а мужчины-кошатники чутки к настроению и разбираются в людях, что может помочь в построении отношений. И потом, кошки очень веселые. Знаете сколько просмотров набирают ролики про кошек в интернете? Больше миллиарда! С ума сойти!

Может, она сумасшедшая? Кто она вообще такая?

Я, правда, не пропускаю ни одного ее слова, постепенно оттаиваю, появляется... интерес.

– Вы обмолвились о ткани. Вы сами сшили себе блузку?

Она для храбрости заглядывает в пустой стакан.

– То, что продают в магазинах, мне не по вкусу. И не по фигуре. Магазинную одежду создают люди, не имеющие представления о том, чего хочет такая женщина, как я. Впрочем, раз вы знакомы с моим блогом... – У нее вспыхивают щеки. – Вы же знаете, что мой конек – нижнее белье.

Нижнее белье? Чем дальше в лес...

Я барабаню пальцами по столу, чувствуя, как меркнет зародившийся было интерес. Она ждет моей поддержки? В моем послужном списке фигурирует одна девушка, хотевшая, чтобы я рекламировал ее косметику. Хотят этого люди с самого начала или нет, почему-то у них быстро возникает намерение меня использовать.

Вот я и прозрел.

Суперзвезда NFL Джек Хоук одевает своих подружек в белье такой-то марки.

Официант приносит ей выпивку, она опрокидывает ее залпом, со стуком ставит на стол пустой стакан и вздыхает.

– Господи, это то, в чем я нуждалась с того момента, как вошла и стала искать вас.

Как ни удивительно, я снова начинаю ей симпатизировать, недавние подозрения затухают.

– День не удался?

Она усмехается.

– Правильнее сказать, год. Два года назад я вернулась из Нью-Йорка в Дейзи и с тех пор потеряла счет безумным дням. Семейство, работа, городишко...

Я кладу вилку.

– У меня последняя неделя тоже не задалась.

Она кивает.

– Давайте попробуем еще раз, хорошо? Расскажите мне о себе. Каково это – вести прогноз погоды?

Ее вопрос доходит до моего сознания, и я давлюсь от неожиданности, раздражаюсь кашлем, прикрывая рот салфеткой.

– Вы в порядке? – Глазищи у нее, словно блюдца цвета морской волны, того и гляди ослепят.

– Вполне... – отвечаю я сдавленно.

Она принимает меня за *ведущего прогноза погоды*.

Какого дьявола!

Я трясую головой, переваривая услышанное: про эсэмэс, мою синюю рубашку, наглый персонал... Все встает на ме-

сто.

Свидание. Причем вслепую.

К каким только трюкам не прибегают девицы, чтобы залезть ко мне в постель! Однажды перед выездным матчем захожу в гостиничный номер, глядь – в шкафу девушка в чем мать родила. Пока служба безопасности отеля ее эвакуировала, она сорвала себе голос криком: «Я люблю тебя, Джек!»

– Вы *видели* меня на экране?

– Честно говоря, нет. Новости меня расстраивают; и вообще, я редко смотрю телевизор.

Я тру себе шею.

– И вы согласились пойти на свидание, не зная, как я выгляжу? Должен сказать, это... смело.

Впервые она по-настоящему мне улыбается.

– Такой я вижу опасную жизнь.

– Вы смотрите американский футбол?

– Это где мужчины в обтягивающих трико дерутся из-за мяча? Я вас умоляю! Какое-то пещерное развлечение. Я предпочитаю книги, печатные и аудио. А вы?

Судя по выражению на ее лице, это не подвох. Час от часу не легче!

Секунд десять мы молча таращимся друг на друга.

Чувствую, как меня накрывает волнение. Сначала робко, потом вдруг захлестывает все органы чувств. Она понятия не имеет, к кому подседа. *Она меня не знает!* Мне хочется ее обнять. Может, даже усыновить ее котенка. Шучу.

Впервые за целую неделю мне становится так весело, что я не могу сдерживать смех. Такое ощущение, что я попал в параллельную вселенную, полностью переродился. Черт, надо ловить шанс все начать сначала, с чистого листа. Вот только...

Опомнись, Джек. Ты не можешь скрыть от нее, кто ты такой...

Раз она воображает, что у нас свидание, то надо без промедления открыть ей истину, спасти ее от более сильного смущения.

Есть, правда, одно «но»...

Что ждет меня дома, кроме пустых комнат и собственной физиономии по спортивному каналу ESPN?

А главное, она явно горячая штучка, надо только ее раскрутить, растянуть эти пуговицы, выпустить ее на волю...

Я нагло скольжу взглядом по ее узкой юбке, по фигуре, подчеркиваемой блузкой.

Между прочим, я откровенный поклонник женской груди.

Ну же, выкладывай. Я уже открываю рот, но она перебивает:

– Что вам больше всего нравится в вашей работе? Снежные бураны, когда вы знаете, что по одному вашему слову все кинется скупать хлеб и молоко? – Она с аппетитом приступает к принесенной официантом пасте, орудуя одновременно вилкой и ложкой. У меня появляется пара секунд для

обдумывания ответа.

– Я предпочитаю облачность. Дождик. Когда мокро.

Она стреляет в меня взглядом и аккуратно вытирает салфеткой рот. Я замечаю, какие изящные, хрупкие у нее кисти, как соблазнительно каждое движение. Когда-то, очень давно, будучи бедным парнем из Огайо, я бы бросился рисовать эти хрупкие руки. Вид у нее такой, будто она готова сломаться в моих объятиях...

– Вау! Вы любитель облаков?

– Пухлых. Кучевых. – Знать бы, как лучше продолжить... – Белых-пребелых.

– Понятно. – Она морщит лоб. – Сама виновата, слишком много болтаю. Опоздала, нагрубил официанту, а ваши мысли очень далеко...

– Елена? Что ты здесь делаешь? – К ней обращается хорошо одетый коренастый шатен, остановившийся у нашего столика. Стоит ему взглянуть на меня, как на его физиономии расцветает выражение мгновенного узнавания. Все становится на свои места. Он знает, кто перед ним.

Я смотрю на Елену – наконец-то прозвучало ее имя! – и вижу, как она бледнеет и теребит нитку жемчуга у себя на шее. Я хмурюсь, кошусь то на него, то на нее, гадая, какая между ними связь.

– У меня *встреча*, Престон, неужели не ясно?

Он умолкает, таращит глаза, переводит взгляд с нее на меня и обратно.

– Сегодня? Я думал, ты останешься... дома.

– Не собираюсь чахнуть в одиночестве.

Престон поправляет галстук, поджимает губы.

– Конечно. Но если бы я знал, что здесь будешь ты, то ни за что не пришел бы сюда с Жизель. – Он указывает кивком на зал, не сводя взгляда с Елены. – Мы только что пришли, наш столик вон там. Я хотел взять у стойки выпивку и вдруг увидел тебя...

Она мечет глазами молнии, в их глубине мне видится боль.

– Ладно, забудь, что видел меня. Возвращайся к Жизель.

Он засовывает руки в карманы брюк.

– У меня в мыслях не было тебя обидеть...

– Не было, но обидел. – Она указывает на свою тарелку: – Между прочим, я ем. Сам знаешь, как я люблю это занятие. Или уже забыл?

Он открывает рот, чтобы ответить.

– Проваливай! – говорю я ему, хотя секунду назад не помышлял о грубости.

Он прирос к месту, не сводя изумленного взгляда с моей... спутницы. Оглядев ее с ног до головы, он решает, что не одобряет увиденного.

– Не могу поверить, что тебя заинтересовал *он*, – бормочет парень.

Я весь напрягаюсь, расправляю плечи.

Он делает шаг по направлению к ней.

– Все хотят, чтобы ты не стояла на месте, вот только этот тип тебе не...

Я встаю и нависаю над ним всеми своими шестью футами четырьмя дюймами. Сразу видно, что он запомнил, какой я высокий, выше, чем кажусь по телевизору. Я сжимаю кулаки, неприятности прошедшей недели слипаются в один ком и грозят выкатиться наружу. Обычно я держу себя в руках, потому что знаю, как пристально за мной наблюдают, но не могу же я позволить ему разговаривать с ней как с неразумным ребенком!

– Возвращайся за свой столик, если не хочешь, чтобы тебя выставили, – обращаюсь я к нему воркующим тоном. – Это *мой* ресторан.

Он поднимает ладони, словно призывает меня остыть.

– Все понятно. Ты влипла, Елена.

Она пожимает плечами.

– Вдруг это то, что мне нужно, Престон? Небольшое приключение.

Он еще раз смотрит на меня и торопливо идет через весь зал к блондинке за дальним столиком.

Я опускаюсь в кресло и вижу слезы у нее на глазах.

Только без слез! Плачущая женщина всегда вызывает у меня мысли о матери. Ее слезы я видел гораздо чаще, чем улыбку. И мне тут же хочется все изменить, все исправить...

– Вы в порядке?

Елена утвердительно кивает, собирается с мыслями, от-

кашливается, уперев взгляд в стол.

– Спасибо, что его спровадили. Понятия не имела, что он тоже сюда пожалует.

– Никаких проблем, – звучит мой неприветливый ответ.

– Вы хозяин ресторана?

Я пожимаю плечами.

– Просто не кладу все яйца в одну корзину. Не желаю ничем распоряжаться. На бумаге все смотрелось заманчиво, поэтому я взял и купил.

– Почему он сказал, что познакомиться с вами – значит влипнуть?

Я медлю с ответом.

– Знаменитостей либо любят, либо ненавидят.

Официант забирает мою тарелку и ставит перед ней новую порцию джин-тоника.

– Это ваш бывший? – решаюсь наконец спросить я. – Дайте угадаю... Вы еще его не пережили?

– Это долгая история. – Она вздыхает, по-прежнему избегая смотреть на меня. У меня уже возникла потребность чувствовать на себе ее взгляд – с ума сойти! Все всегда на меня глазают – все, кроме нее!

Я уже мечтаю, как приглашу ее к себе в пентхаус, как распушу ее рыжие волосы, как опрокину ее на постель...

Совсем спятил. Откуда эти мысли?

Ты совсем ее не знаешь, Джек. Вы только познакомились. Так что полегче!

3

Елена

Так.

Так-так.

Так-так-так...

Я исподтишка поглядываю на своего спутника – результат свидания вслепую. Оказывается, телевизионные синоптики тоже бывают мужчинами хоть куда. На лицо он – классический красавец, греческий бог на стероидах. Неудивительно, что его пригласили на телевидение. Таких красавчиков я еще не встречала. А до чего крут! Обалдеть, как он обломал Престола, нависая над ним и с трудом сдерживая гнев. Не припомню, чтобы двое мужчин ссорились из-за *меня*. Особенно когда я уминаю еду так, словно эта порция у меня последняя в жизни.

Я откашливаюсь.

– По словам Тофера, вы не так давно с кем-то расстались. Вы посещаете сайты знакомств вроде Тиндера? Мне для это-

го не хватает смелости.

Он хмурится.

– Вы бы поосторожнее с этими сайтами! Тиндер предназначен для ищущих легкого секса. И даже в этом случае от тамошних молодцов исходит опасность, Елена.

Весь этот вечер я только и делаю, что краснею, а сейчас и подавно становлюсь бордовой и проверяю пальцами, насколько горяча моя щека. Прямо горит!

– А что, может, оно и не так плохо... «Будь паинькой и останешься одна».

Он приподнимает одну бровь.

– Марк Твен?

Ох, как интересно!

– Вы читаете классику?

– Постарайтесь скрыть удивление. – Он впивается взглядом в мое лицо, особенно, как я вижу, его занимают мои губы. – Какие ваши любимые книги, Елена?

Я не спешу с ответом. Лучше не перечислять чувственные романчики, которые я поглощаю тоннами.

– Я библиотекарь. Читаю все подряд.

– Вот это да! Настоящая добросовестная библиотекарьша... – Он качает головой. – Как я сразу не догадался?

Разве Тофер ему про меня не рассказывал?

– Почему вы улыбаетесь? – задаю я совсем другой вопрос.

Он налегает грудью на стол, подается ко мне, и я чувствую его мужской запах, сочетание выделанной кожи и выдержан-

ного виски.

– Потому что вы – воплощение мужской фантазии о правильной библиотечарше: умница, усердная, большие очки, узкая юбка.

Белоснежная улыбка.

О!

О!

Я еложу ногами под столом, поправляю на носу очки. Знаю, они все время сползают. Все потому, что в ресторане становится жарко, в воздухе сгущается напряжение.

– Надо было воткнуть в волосы карандаш и не выпускать из рук книгу – для полноты картины.

– В следующий раз так и сделайте.

От его взгляда – точно я плитка первосортного швейцарского шоколада – я начинаю таять. Я затравленно озираюсь. Мне неведома вселенная, где такой, как он, способен фантазировать о такой, как я. Нервы натянуты как канаты.

Поменять направление, перенаправить внимание.

– Договорились. Так что произошло у вас с вашей бывшей?

У него каменеют губы и все лицо.

– Моя бывшая ушла от меня к профессиональному хоккеисту, а потом накропала обо мне книжонку, ничего не утаив о нашей интимной жизни. Я вышел у нее запойным пьяницей.

Как-то не верится.

– Это правда?

– Нет!

– Зачем же она вас оболгала?

– Ради денег люди еще не то вытворяют, даже те, кто утверждает, что вы им небезразличны.

Судя по выражению лица, его мысли витали где-то далеко-далеко. Мне ли не знать, что такое сплетни и какой хаос они сеют! Надо отдать должное Престону и Жизель, они не болтают о наших отношениях, но весь городок все равно в курсе, что до нее он встречался со мной. Из-за этого я постоянно ловлю на себе жалостливые взгляды. Не хочу даже думать, что за глупости все эти люди про нас сочиняют. *Бедняжка! Престон предпочел ей ее младшую сестру, та и красивее, и моложе.* Это не вполне так, но я стараюсь не погружаться в эти воспоминания.

– Хотите, надеру ей задницу? Я и не с такими справлялась.

– Обойдусь, – отмахивается он со смешком.

Теперь я беззастенчиво его разглядываю: могучие руки, поросшие светло-каштановыми волосами, длинные пальцы, особенно указательный, которым он легонько проводит по ободку стакана с виски. Что-то заставляет меня ступить на зыбкую почву.

– Дайте угадаю: по части секса она в своей писанине накидала вам одних комплиментов. – От смущения я хватаюсь за свой стакан. – Просто хочется во всем найти плюсы. Что именно она там настрочила?

Его указательный палец на ободке стакана замирает. Темно-желтые глаза смотрят прямо на меня. Я моргаю. Глаза у него, конечно, не желтые, но и не карие, а что-то среднее, золотистое, пронзительное, пристальное, цвета теплых солнечных лучей, не меркнущих даже в ресторанной полутьме. На его губах появляется улыбочка, раздвигает точеные черты лица и превращается в полноценную улыбку.

– Вы угадали, Елена: меня она никогда не забудет.

По моей спине пробегают мурашки.

Он, конечно, возмутительно самоуверен, но любопытство во мне берет верх.

– Это еще почему? – Сердце в груди предательски колотится. С Марка Твена мы перешли на разговор про секс, и от этого я сползаю на краешек сиденья.

– Вы серьезно? Вам любопытно, каков я в постели?

– Лучше я прочту про это в ее книжке. Как она называется? – Я достаю телефон. – Сейчас все можно найти на «Амазоне».

Я бросила ему вызов, и он клюнул на наживку.

– Лучше не надо.

– Тогда сами расскажите, сэкономьте мне деньги и время.

Он битых десять секунд смотрит на меня из-под полуприкрытых век, его грудная клетка вздымается.

Я нервно сглатываю. Далековато я зашла. Не надо было на него давить. Разговорчики про секс! Что со мной стряслось? Не иначе, виновата встреча с Престоном и Жизель.

– Елена... – произносит он вкрадчиво, словно пробует мое имя на вкус, перекатывает на языке все три слога. Голос у него сейчас тихий, низкий, шероховатый – как экзотический шелк богатой расцветки, с преобладанием золотистых тонов, текущий у меня между пальцами. – Я скажу так: я знаю, как удовлетворить женщину, как заставить ее вожделеть меня каждое мгновение, которое мы проводим врозь.

Если бы я не сидела, то замороженно шагнула бы вперед.

Что?!

Немедленно перестань!

Я сижу затаив дыхание.

Похоже, из этого ресторана разом выкачали весь воздух.

Февраль – неподходящий сезон, чтобы обливаться потом.

Я смотрю на свой стакан. Пора бросать пить.

– Нечего сказать? – воркует он.

До меня доходит, что Грег изрядно обошел меня в категории сексуальных забегов. Держу пари, он привык оприходовать все, что движется. Чему тут удивляться, раз он – нэшвиллская знаменитость, вот уже и целая книга о нем написана! А что я? Провожу свои лучшие годы в обществе вибратора.

– Звучит заманчиво. – Я изо всех сил стараюсь сохранить спокойное выражение лица, надеясь, что еще не залилась багряным румянцем. Почему-то вспоминается пижама – целиковый пижамный костюм! – Престона, в которой он забирался вечером в нашу постель. В пижаме и в носках – в во-

нючих черных носках.

– Заманчиво? – Он улыбается. – Вы умеете выбирать слова.

Я меняю тему:

– Престон встречается с моей сестрой. Вон она, видите? – Я сижу к ним спиной, поэтому указываю на середину зала кивком головы. – Высокая красotka. Они познакомились у нас на семейном барбекю в День независимости, она как раз вернулась в Нэшвилл.

– Вот дерьмо!

– Даже двойное. – Я залпом допиваю свой стакан. Официант торопится ко мне с очередной порцией выпивки.

– Моя бывшая хотела, чтобы я надел колечко ей на пальчик. Я на это так и не осмелился, вот она и решила отомстить мне своей книгой. – Он делает паузу. – Она просто не была той самой.

Я фыркаю.

– Я пришла к выводу, что все эти разговоры о «поиске своей половинки» – полная туфта.

Он ревностно кивает:

– Полностью с вами согласен. Потому и поставил крест на любых отношениях. От них одна боль.

Я наклоняюсь над столом, тянусь к нему.

– Престон даже не мог найти у меня... Начинается на «к-л-и»... Наверное, он не очень старался... Мой внутренний голос, называемый женской интуицией, твердил: «Что-

то здесь не так», – но я не желала к нему прислушиваться... – Я морщусь, осознав, *что* несу.

Что я вытворяю? Кокетничай, но знай меру! Угораздило же меня такое ляпнуть... Со своим «к-л-и» я явно поторопилась.

Я вздыхаю и даю задний ход.

– Ой, простите! Сама не знаю, что несу. Вся эта затея со свиданием вслепую в День святого Валентина была ошибкой...

– Никакой ошибки, Елена.

4

Джек

Мне не верится, что я заговорил о Софии и об ее откровениях на мой счет. Пусть она была хороша собой, пусть клялась мне в любви, в конце концов ее истинная сущность вылезла наружу. Я судорожно глотаю, уставившись на свой виски. Выпил всего ничего – и уже наболтал лишнего. Почему-то мне не хочется, чтобы Елена считала в моем дурном поведении склонности к пьянству и к рукоприкладству. Не хватало предстать перед ней полным идиотом.

Она такая...

Я делаю над собой усилие, чтобы не расплыться в улыбке. Чуть было не назвал ее мысленно робкой – какая еще робость при такой похвальной прямоте!

Чувствуя на себе ее не очень-то дружелюбный взгляд, я озираюсь и хмуро гляжу на Престона, нежничавшего со своей пассивностью и при этом параллельно косящегося на меня.

Силуюсь представить себя в ее шкуре: несладко ей жить в маленьком городе и постоянно видеть их!

Ад какой-то.

Мне ли не знать, каким меня видят репортеры и болельщики: кутила и грубиян, к тому же упустивший Суперкубок.

Она все еще полулежит грудью на столе, смущая меня своим ароматом – сладковатым, свежим, сочетанием меда и полевых цветов.

Когда ты в последний раз встречал кого-то, кто не судил о тебе по твоему прошлому?

К черту!

Когда у тебя в последний раз была женщина?

– Каково это – выступать на телевидении? – Она уже выпрямилась и снова с аппетитом принялась за свою пасту. Как ни изящны ее движения, она намерена умять все до последней макаронины. Она тянется за очередным куском хлеба.

На душе у меня паршиво. Мне не хочется ее обманывать. Ко мне прикованы все взгляды, все только и ждут, чтобы поймать меня на ошибке. У меня за плечами неделя, перекркнувшая, наверное, всю мою карьеру. Вот это – чистая правда.

Ее рука, лежащая на столе, касается моей руки. Она испуганно отдергивает руку.

– Извините. Опять я ляпнула глупость.

Когда она движется, мерцание свечей отражается на ее нежной и невыносимо соблазнительной коже. Меня охваты-

вает жар и неуместное за едой плотское возбуждение.

И вот я уже представляю, что она лежит подо мной, плотно обхватив ногами мою талию, чувствую прикосновение ее груди к моей, ее ножки обхватывают мою спину...

Немедленно прекрати, Джек!

Я прикусываю язык, хмурюсь, мучительно вспоминаю длинную вереницу женщин, оставивших след в моей жизни. Елене лучше к ним не присоединяться. Она врачует свое разбитое сердечко, и она... славная. Но, черт, как быть с тугим комом тревоги и напряжения у меня в груди? Он меня задушит.

Мои пальцы сами по себе выбивают по столу дробь. Я наблюдаю, как она доедает хлеб. Я взвинчен и, допивая виски, рыщу глазами по ресторану в напряженном ожидании, что ко мне подойдут с просьбой об автографе или с сообщением, что я мерзавец и кусок дерьма. Не хотелось бы, чтобы она узнала, что на самом деле думают обо мне люди...

Елена изучающе смотрит на меня:

– Что-то вы притихли.

– Точно.

– Почему?

Я хмурюсь. Как объяснить, какой нелегкой вышла для меня последняя неделя, не выдав, кто я такой?

Как-то придется. Причем без промедления.

– Мне вообще свойственно помалкивать.

– А мне нет. Я жуткая болтушка.

– Вижу.

Выкладывай, Джек, наберись смелости, скажи, что у нее свидание вовсе не с тобой.

Она решительно берет стакан и залпом выпивает. Вздыхает, изящным движением складывает салфетку и встает с таким видом, как будто довела до конца какой-то сложный проект.

Я остаюсь сидеть, но весь подбираюсь.

Она роется в сумочке, вытягивает оттуда пачку двадцаток и кладет на стол.

– Что вы делаете? – удивляюсь я.

– Поеду домой, – отвечает она с гримасой. – Благодарю за милый ужин. Этого хватит за то, что я выпила и съела. Было здорово... с вами познакомиться. Не исключено, что теперь я буду смотреть новости. – Она неуверенно делает шаг в сторону двери.

– Подождите, Елена. – Понятия не имею, что скажу в следующую секунду, когда встану. Рядом со мной она кажется малюткой. Я оглядываю ее с головы до ног. Черная юбка облепила ее фигурку в форме песочных часов, выставляя на показ все сладостные изгибы. Что я за дурень, как умудрился не заметить всего этого раньше?

– Не уходите, – говорю я шепотом.

«*Не вздумай, не вздумай!*» – вопит мой здравый смысл, но я не желаю к нему прислушиваться. Не знаю, как сложится моя дальнейшая жизнь, но весомая часть меня намерена на

все это наплевать, все это забыть – с ней.

– Перестаньте. Все вышло из рук вон плохо. – Елена громко выдыхает. – Я опоздала. Вы не ответили на мое сообщение. Да еще мой бывший тут как тут... Нет, все это никуда не годится.

– Да уж, у меня неважно с навыками общения. – Я хватаю ее деньги и сую ей. Наши пальцы соприкасаются. – Предлагаю перейти отсюда куда-нибудь еще.

– Куда это? – На ее лице неуверенность.

Могу предложить ей другой бар, чтобы выпить на сон грядущий или полакомиться десертом, но там будут люди, знающие меня в лицо. Мест, где мне комфортно, осталось всего ничего, и одно из них – вот это. После выхода книги Софии год назад я редко показываюсь на людях. Я тщательно задраил все люки и стараюсь не высовываться – берегу репутацию.

– Ко мне. Это недалеко отсюда.

Делаю шаг к ней, заставляю ее взять меня под руку.

– И потом, здесь ваш бывший. Лучше вам выйти отсюда на пару со мной, согласны?

– Вы пришли к нему не по вкусу. – Она смотрит в пол, потом поднимает глаза на меня. – Только я не хожу по домам незнакомых мужчин.

– Елена... – Мне не хочется хрипеть, но так вышло.

– Что?

– Между прочим, я большой специалист по... начинается на «к-л-и».

Она маскирует свое смущение смешком, но ее выдают залевшие щеки.

– Вот ведь ляпнула!..

– Каждое наше слово имеет цель и смысл, и вы его произнесли. Как вы думаете, зачем?

Она кусает нижнюю губу. Мы стоим лицом к лицу и неотрывно смотрим друг на друга. Диспозиция затягивается, на нас уже обращают внимание, может, даже фотографируют.

– День святого Валентина как-никак. У вас есть планы на вечер? Думаете купить мороженое и оросить его слезами по вашему бывшему?

– Может быть.

– Лучше я, чем мороженое.

– Сразу видно, что вы не пробовали *Ben & Jerry's Rocky Road*.

– Сразу видно, что раньше вы со мной не встречались. – Я дерзко прикасаюсь к ее пухлой нижней губе, провожу большим пальцем по шелковой щеке. О пожаре у меня в штанах ей пока что лучше не знать.

Она жмурится, сглатывает, ее рот приоткрывается.

– Я... Даже не знаю...

– Елена, вы хотите, чтобы я вас умолял? – У меня резь в глазах от возбуждения, желание накатывает волнами, если мы и дальше будем вот так стоять и глазеть друг на друга, то я не знаю, что будет...

Пожалуйста, соглашайся.

Елена

Я оглядываю комнату. Меня привели в пентхаус на последнем этаже шикарного отеля «Бретон» неподалеку от ресторана. Грег возится у мини-бара – наполняет два стакана. Мне нельзя больше пить, и так голова идет кругом. *Что я вытворяю?*

Я давно собиралась прервать свидание – понимала, что непозволительно разболталась на темы экзотических свинок, бродячих кошек и Престона. Боже! Мне бы на какие-нибудь курсы походить.

Но до чего же здорово было выйти из «Милано» с ним под руку! Уж как разинули рты Престон и Жизель! Грег закинул руку мне на плечо и привлек меня к себе как раз в тот момент, когда мы продефилировали мимо них. Потом он вызвал лимузин – сказал, что постоянно так делает, – и мы мигом очутились в отеле.

По дороге Грег то бросал на меня быстрые взгляды, то не

мог отвести взгляд; когда я отвечала ему тем же, он опускал глаза или начинал смотреть в одну точку. Казалось, он хочет что-то сказать, но никак не может – слишком я нервничаю.

Перед холлом отеля он шепнул мне, чтобы я не обращала внимания на встречающих. Впрочем, нам никто не попался, не считая охранника, несшего караул перед двойными дверями пентхауса на двадцатом этаже, куда мы поднялись на лифте.

Сейчас Грег стоит спиной ко мне, и я не могу отвести взгляд от его невероятно широких плеч и немного выгоревшей шевелюры цвета красного дерева – не иначе, он много времени проводит на солнце. На нем дорогие серые брюки, определенно пошитые на заказ: штанины облегают мощные бедра и сужаются книзу.

Он добавляет в мой джин тоника; движения гибкие, точные, как у тигра в джунглях. Грег способен ходить и разговаривать как человек, но внутри он – настоящий зверь.

Я облизываю губы. Одна часть меня склоняется к бегству, но другая готова полыхнуть жарким пламенем: возгорание началось в тот момент, когда он отшил Престона, включив эту свою неотразимую хрипотцу...

Грег поворачивается, и я вздрагиваю.

Он движется – правильное сказать, крадется – в моем направлении.

Ты совершенно его не знаешь, и...

Тебе это нужно, проносится у меня в голове. К тому же его одобрил Тофер. Я месяцами торчала дома, и теперь мне

требуется хоть что-нибудь, чтобы покончить с депрессией и начать новую жизнь.

Правила, которым ты следуешь, придумала ты сама. Живи собственной жизнью, звучит у меня в голове бабушкин голос. Так она отреагировала на брошенную мной в сторону семьи осколочную гранату – новость, что я не пойду учиться на медицинский факультет. Бабушка хотела, чтобы я не обманывала себя. Думаю, она одобрила бы этого теле-синоптика.

Он протягивает мне стакан и отхлебывает из своего, потупив взор; за этой деланой кротостью прячется дикость. Я отпиваю свой джин-тоник, смело глядя на него. Мне тоже хочется быть дикой. Дикой на пару с ним.

Не вздумай! – включает холодный душ моя рациональная составляющая.

– Вы здесь живете? – Я ставлю стакан на стол. Что за дурацкий вопрос!

Грег не спешит с ответом.

– У меня квартира недалеко отсюда, но пентхаус ближе к работе.

Ресторан и две резиденции? Мне попался богач!

– Вот оно что...

Вижу спальню, кровать королевских размеров: манящее белое ложе, заваленное несчетным количеством пышных подушек. У меня было двое мужчин. Первый – Тэд, моя университетская любовь, переехавший после выпуска в Крем-

ниевую долину. Он не звал меня поселиться с ним: сначала нужно было проявить себя на новой работе и найти жилье; я его не торопила. Мы расстались, пообещав друг другу поддерживать связь, летать в гости друг к другу, но почему-то ни разу этого не сделали. Наши отношения были доброкачественными и удобными для обоих, но через два-три месяца после расставания я поймала себя на том, что перестала его вспоминать. Где-то год назад я нашла его в интернете и обнаружила, что он недавно женился. Следующим был Престон – с известным результатом. Мужчины от меня уходят, и я начинаю подозревать, что объяснение этому – мои изъяны.

– У вас взволнованный вид, Елена. Не надо нервничать.

Золотые слова. С тем же успехом можно уговаривать мою свинку не есть огурцы.

– Если вы предпочитаете уехать домой, я вызову для вас машину. Просто я подумал, что вы и я... Кажется, у нас с вами есть... – Он сбивается, словно потерял нить.

– Нет, я хочу остаться.

– Тем лучше.

Мы долго смотрим друг на друга, я мнусь, переступаю с ноги на ногу.

Грег подходит ближе, ставит стакан на край стола, рядом с моим.

– Можно, я распушу тебе волосы? – Неуверенность в его голосе придает уверенности мне: понятно, что он тоже нервничает.

– Валяй.

Он разрушает мою прическу, с таким старанием сооруженную утром, перед работой.

Закончив этот труд, Грег облегченно вздыхает и запускает пальцы в волосы, достающие мне до лопаток. Они – мое сокровище, я горжусь их длиной, густотой, блеском. Волосы у меня цвета меди с золотым оттенком. Тофер всегда нудит, чтобы я их распускала, потому что это моя изюминка, но мне проще поднимать их наверх или стягивать резинкой.

– Красота! Не думал, что они такие длинные, – бормочет он.

Грег так умело массирует мне голову, что я невольно делаю шагок ему навстречу – расслабленная, растекающаяся в золоте его глаз.

– Хочу, чтобы ты кое-что подписала. Не возражаешь?

Что мне подписывать? Я недоуменно моргаю.

Он повторяет то, что с успехом сделал еще в «Милано»: проводит большим пальцем по моей нижней губе.

– Дело в конфиденциальности. Соглашение о неразглашении. В моем положении нельзя рисковать, тем более после того, что себе позволила моя бывшая. Идет?

– Не такая уж ты величина.

Он замирает, потом делает шаг назад. Мне сразу хочется его вернуть.

– Елена, я должен кое-что тебе сказать... – Грег трет лицо. – Вот черт!

Он колеблется. Я тяжело вздыхаю. Престон вернется домой с Жизель, и пусть он даже будет в своей проклятой пижаме и в вонючих носках, одиночество ждет меня, а не его.

– Ты женат? – спрашиваю я.

– Нет.

– В отношениях?

– Нет.

– Может, ты серийный убийца?

– Тоже нет. Но разве я признался бы, если бы им был? –

Он ухмыляется.

– Страдаешь венерическим заболеванием?

Он морщится.

– Ничего подобного. Только что прошел диспансеризацию. К тому же никогда не занимался незащищенным сексом.

Что же тогда его гложет? Может, дело во мне? Не привык иметь дело с такими, как я?

– Значит, все в порядке. Секс между двумя одиночествами, не более того.

Он вздыхает и долго на меня смотрит.

– Ты не создана для одиночества, Елена.

Откровенность и желание, которыми пропитан его голос, донельзя меня размягчают. Мне нравится его немного ворчливый голос, такой мужской, полная противоположность фальцету Престона. Он снимает с меня очки, я наблюдаю за его губами. Они полные, буквально созданы для по-

целуев, одна ямочка на нижней чего стоит. Надо запретить мужчинам иметь такие порочные губы.

– Потому мы и собираемся этим заняться... – лепечу я.

Он, похоже, решился. Приглашает меня в огромную современную кухню, там достает из ящика несколько листов бумаги и кладет их на столешницу из белого мрамора.

Я очень стараюсь сосредоточиться на бумаге, но дается это с трудом, когда он двигается у меня за спиной, прижимается, убирает волосы с шеи и касается губами чувствительных местечек.

От малейшего его прикосновения лижущие меня языки пламени поднимаются все выше. Мы еще даже не целовались, а у меня внутри уже бушует пожар.

Содрогнувшись от глубокого вдоха, я бегло просматриваю бумаги. Так и есть, соглашение о неразглашении. Если вкратце, оно о том, что я достойна доверия, что никогда ничего никому не разболтаю... Да уж, мне бы мои собственные секреты не выболтать! А то сексуальное белье и все такое...

Он тем временем расстегивает на моей шее жемчужное ожерелье. От его прикосновений у меня подкашиваются ноги.

– Поторопись, Елена.

От его воркования меня пронзает молния, сначала я ежусь, потом меня бросает в жар. Хватаю ручку, кое-как чиркаю свое имя и адрес.

Оборачиваясь к нему, я машинально прикусываю ниж-

нюю губу.

– Готово.

Опять этот дикий и при этом ощупывающий меня взгляд, вздымающаяся грудная клетка... Не знаю, что он рассматривает, вряд ли волоски, вставшие дыбом у меня на плечах. Соски, к счастью, тоже пока что не на виду – знаю, они уже стоят торчком.

Я кладу ладонь ему на грудь.

– Сперва скажи мне три вещи о себе.

Он расстегивает мою верхнюю пуговку.

– Пожалуйста. Мое второе имя – Юджин. До шестнадцати лет Юджин оставался недомерком и частенько бывал бит. – Он переходит к следующей пуговке. – Второе. Я категорический ненавистник воды. Ты никогда не увидишь меня плавающим или валяющимся на пляже.

А на вид настоящий спортсмен...

– Почему? – спрашиваю, вернее, выдыхаю я, когда он берет за третью пуговку.

Он припадает лицом к моей шее и жадно вдыхает. Его губы теребят мне ухо.

– Не скажу. Как же восхитительно ты пахнешь! Что это за духи?

Вместо дыхания у меня уже хрип. Духи – подарок Тофера.

– Не помню. Что там третье?

Он трогает нижнюю пуговку у меня на блузке, но расстегивать ее не спешит.

– Ты обязательно хочешь это узнать?

Я киваю, все тело сладко ноет от предвкушения, он несильно тянет меня за волосы, заставляя выгнуть шею. Это излишне властно, это резковато, но моя реакция – сильный разряд тока, пробегающий вдоль всего позвоночника.

– Люблю жесткий грязный секс. Тебя это не пугает?

– Только без наручников. – Наверное, я пьяна, потому что на трезвую голову и против этого не возражала бы.

Он целует мои ключицы, но ниже не спускается.

– Ты не спрашивала про четвертый пункт, а он есть...
Прежде чем заняться с тобой любовью, мне, возможно, придется подрочить в ванной.

Я облегченно перевожу дух.

– Грег...

Он морщится и опускает руки.

– Не называй меня Грегом.

– Окей, Юджин.

Он усмехается.

– Что ты скажешь о себе?

– Мое второе имя – Мишель.

Грег долго на меня смотрит, и его глаза темнеют, когда я доделываю недоделанное им – сама расстегиваю на себе последнюю пуговицу. От ощущения свободы, от того, что этот мужчина меня хочет, я смелею.

– Расскажи о себе еще, – бормочет он, глядя на меня, как волк на свою добычу.

– Я люблю книги – запах, тяжесть книги у меня в руках. Я не всегда работала в библиотеке, раньше, в Нью-Йорке, я издавала любовные романы.

Он смотрит мне в глаза, его рот находится на сладостно близком расстоянии от моего.

– Замечательно. Что еще?

– Когда я нервничаю, я начинаю произносить слова по буквам...

– Ты нервничаешь из-за меня. Больше не надо. Еще! – рычит он.

– Я еще никогда не испытывала оргазма с мужчиной.

Его взгляд упирается мне в солнечное сплетение.

– Милая Елена! Этим я займусь в первую очередь.

Я резко выдыхаю. Отчасти это ожидание, отчасти возбуждение, охватывающее меня, когда он смотрит на меня так, словно намерен порвать на части. При этом я полностью ему доверяю. Мастерским движением он избавляет меня от блузки, и она падает на пол. Грег судорожно сглатывает, его глаза лезут из орбит, покрывая меня ожогами, дюйм за дюймом. Сверкая глазами, он делает шаг назад.

Что с того, что я библиотекарьша? Мое белье кричит о том, что я сексуальная кошечка.

Я расстегиваю молнию на юбке, она спадает с моих бедер, и я отшвыриваю ее в сторону, к кухонному столу.

Мне ли не знать, что он видит: розовые бюстгальтер, трусики, подвязки с блестками и итальянскими кружевами руч-

ной работы

У него вздымается грудь.

– Трахни меня!

О, непременно.

Я подпираю свою полноценную «троечку» ладонями, морщу пальцами ткань, показывая ему, как блески на нем меняют цвет с розового на серебряный.

– Если потянуть ткань, то на моих грудях появятся маленькие единороги. – Я скольжу пальцами по поясу трусиков, вижу выражение его лица и все больше набираюсь смелости. Я опускаю руку ниже и продолжаю: – А вот здесь можно разглядеть сердечко.

Забавно, как просто его завести. Престона мои ухищрения неизменно оставляли равнодушным. Ему хватало одного взгляда на манекены и выкройки в комнате, где я занимаюсь шитьем, чтобы в гневе, с багровой физиономией, вылететь вон. Он орал на меня и твердил, что своими *наклонностями* я пушу по миру всю семью. Как я тогда не разглядела, что мы несовместимы? Что он – не мой *единственный*?

Единственный тебя понимает и принимает.

Мужчина, стоящий передо мной сейчас, смотрит на меня не с отвращением, совсем наоборот. Он трет себе подбородок, на его щеках играет румянец.

– Елена, ты совсем не такая, как я думал. Или как раз такая. Не знаю. – Грег качает головой. – Не могу сейчас думать рационально.

Я скольжу пальцами по своим бедрам, добираюсь до кружев, расстегиваю застёжки. Подвязки падают на пол.

– Дальше! – хрипит он, поспешно стягивая брюки.

Я расстегиваю узкий бюстгальтер, кручу его на пальце, потом позволяю ему упасть на кафель.

Он закусывает губу, жадно оглядывает меня с головы до ног и снова смотрит мне прямо в глаза.

Виляя бедрами, я избавляюсь от трусиков.

Кто я сейчас? Кто эта сумасшедшая? Не знаю. Одно ясно: происходящее мне нравится.

– Елена. – Со стоном произнеся мое имя, он падает на колени прямо посреди кухни, обхватывает меня руками, осыпает страстными поцелуями мой живот, то покусывая, то нежно целуя, спускается. Его пальцы ласкают мне сначала один сосок, потом другой, в это время по мне по-хозяйски путешествует его язык, вызывая у меня жар, обещая немислимое... Вся я уже сгусток желания, каждый мой нерв трепещет, я дрожу и изгибаюсь, готовая вобрать его в себя.

Все связные мысли исчезают.

Во мне сжимается и расправляется, как пружина, наслаждение – мокрое, скользкое, под его губами и языком во мне взбухает страсть. Каждый его стон, каждое прикосновение его рук, губ, языка вызывает у меня приступ сладостной боли, толкает в пучину безрассудства, имеющую два имени – его и мое. Сначала язык, потом пальцы проникают внутрь меня, и где-то у меня над головой взрывается ослепительная

звезда, меня обдаёт колючим дождем, вокруг падают угольки, мерцают искры... Я запрокидываю голову и кричу во все горло, захлебываюсь, бьюсь, как припадочная, полыхаю огнем, тело ликует в небывалом облегчении.

Проходят секунды, минуты. Вот они, последствия. Комната вертится, он сжимает меня в объятиях, поднимает на руки, несет в спальню. Мы не говорим – возможно, он и говорит, но у меня на это нет сил, в его жарких объятиях я вся обмякла. Меня сцапал жадный волк, и от этого я счастлива, как никогда.

Не знала, что могу быть такой дерзкой, но это то самое, чего мне сейчас хочется. В это мгновение. На этом пике блаженства. В эту ночь.

Насчет завтра я побеспокоюсь потом.

6

Джек

Проходит несколько часов. Я резко просыпаюсь, вскакиваю с постели с заранее сжатыми кулаками, с сердцем, громыхающим, как бесконечный грузовой состав. Вот хрень! Опять кошмар. Я медленно растираю левое плечо, на нем у меня глубокий шрам, со вздохом сажусь на кровати, стискиваю ладонями виски. Глубокий вдох, медленный выдох. Я закрываю глаза в надежде очистить мысли от гадкого сна, но сон очень цепкий...

Харви швыряет меня об стену, крепко держа за горло. Высясь надо мной, он выдыхает мне в лицо сигаретный дым. В свои тринадцать лет я перед ним козявка, мне остается только извиваться, задирает слабые ручонки, отдирает от себя его лапищи. В его глазах темная пустота, против которой бессильны и мама, и выпивка, от него разит разо-

чарованием и злобой, он как граната с сорванной чекой.

Я судорожно ловлю воздух широко разинутым ртом. Перед моим лицом пляшут черные пятна.

– Отпусти его! – кричит у него за спиной мать, но он не соизволит обернуться, знай маслянисто лыбится и сжимает у меня на горле пальцы. Я задыхаюсь, царапаю ногтями ветхую стену.

– Он дерзит мне, Евгения. Пора преподать твоему щенку урок. Ему будет полезно. Сосунок действует мне на нервы.

У меня уже закатываются глаза. Напоследок я нахожусь взглядом мать. Настал мой час. Наверное, я всегда знал, что этим кончится. Харви надоело, что я путаюсь у него под ногами, зачем ему кормить лишний рот? Мать не может от него уйти. Сколько он ни разбивал ей лицо в кровь, сколько ни ломал ребра – не может. Знай лупит меня ремнем – а она никуда не денется.

Мать тем временем исчезает в спальне и бегом возвращается.

– Отпусти, его, Харви, не то я тебя пристрелю!

Его лапища падает, я сползаю на вытертый ковер, снова дышу, мой взгляд прикован к матери, к ее трясущимся рукам, сжимающим карабин.

«Застрели его! Стреляй!» – мысленно кричу я.

Он наступает на нее, наползает, его хладнокровие пугает меня больше, чем любые побои.

– Мама... – хриплю я.

Он озирается на меня, опрокидывает мать на пол, отнимает у нее карабин и всаживает в нее две пули. Потом целится в меня...

СТОП.

Я судорожно тру лицо, потом хватаю телефон – проверяю, который час. Пять утра. На попытку снова уснуть уже нет времени. Да и бессмысленно пытаться – ничего не выйдет. Этот сон запускает в меня когти, растрясает, толкает в тот ад, в котором я рос. Уже двадцать восемь лет от роду, а эта мерзость по-прежнему меня не отпускает, в точности как приставшая к подметке грязная жвачка.

До моего слуха долетает нежный храп, я вздрагиваю, прыгиваю с кровати, с трудом удерживаюсь на ногах. В моей постели спит девушка. Я вглядываюсь в очертания ее фигуры под тонким белым одеялом, она крепко спит, подтянув колени к груди. По подушке рассыпались золотисто-рыжие волосы, розовые губки разомкнулись при дыхании. Я люблю нежным контуром ее скул, изящным разлетом каштановых бровей. Часть меня готова улечься, прижаться к ней, разбудить ее так, как она заслуживает, но мысленно я не здесь, не с ней. Когда меня настигает этот кошмар, я должен прожить его в одиночестве.

К тому же денек ожидается еще тот. Лучше подготовиться к нему заранее.

Стараясь не шуметь, я закрываюсь в ванной и смотрю на

свое отражение в зеркале. Под красными глазами угрюмые тени – похудел после Суперкубка на несколько фунтов. Мне бы тренироваться перед летними сборами, но где там!

Меня ждет спортзал, но я все равно встаю под душ, чтобы смыть с себя ошметки кошмара, изгнать его из головы. Спина саднит, я пытаюсь разглядеть в зеркале длинные царапины поверх татуировки – желто-черного тигра – и не могу удержаться от смеха. Вчера она блестяще очистила мою голову от залежавшегося мусора. Вспоминаю, как дерзко она стояла передо мной, как потом пылала, как изгибалась, какой вопль исторгала ее глотка, когда она кончала в первый раз от моего языка, вцепившись мне в волосы, подсказывая мне, чего ей хочется...

Вот, пожалуйста, снова эрекция.

Не буду обращать на это внимание.

Стоит ей узнать, кто я на самом деле, – и она, наверное, поступит так же, как все остальные...

Там видно будет. Лучше не предвосхищать события.

После душа я на цыпочках возвращаюсь в темную спальню и, двигаясь с максимально доступной мне прытью, натягиваю костюм для тренировок, обуваюсь. Заглянув в кухню, я забираю документ с ее подписью и не глядя сую его в спортивную сумку.

На полу кухни что-то поблескивает. Я останавливаюсь. Рядом с кухонным островком остались лежать трусики, которые она сняла ночью. У меня распирает голову от воспо-

минаний о ней. Я инстинктивно нагибаюсь, подбираю трусики, прячу в карман. На столе лежит блок стикеров: я быстро пишу несколько слов и оставляю записку у нее на подушке. Она заслуживает правды.

Я выхожу из пентхауса. В кабине лифта меня ждет Куинн, гора мышц 21 года от роду. Он – один из бывших приемных детей Люси, я нанял его несколько месяцев назад, чтобы он был всегда рядом. Меня не устраивает, если кому-то еще станет известно, где я периодически провожу время. Моя квартира всего в квартале отсюда, но я помешан на безопасности. Я позвонил ему накануне вечером и сказал, что поеду в пентхаус. И вот он здесь. Он, конечно, никакой не охранник, зато круто выглядит. Когда Люси что-нибудь требуется, я готов перевернуть небо и землю, лишь бы она была довольна.

– Доброе утро, сэр. Стадион?

Я киваю.

– Брось ты обращаться ко мне «сэр», Куинн! – У меня уже язык отнимается повторять ему это каждый раз, когда он ко мне обращается.

– Сейчас я вызову вам машину, сэр. Или мне самому вас отвезти?

Я отмахиваюсь:

– Сам поведу.

Куинн выглядит разочарованным. Ясное дело, скучно всю ночь стоять, хотя вид у него все равно свежий. Не иначе, дремал в огромном кожаном кресле рядом с лифтом. Я указы-

ваю кивком на закрытую дверь пентхауса:

– Позаботься, чтобы уборщица сегодня не приходила. Позвони и распорядись.

Он позволяет себе ухмылку.

– Приятный вечер?

Я хмурюсь.

– Мы не обсуждаем мою личную жизнь. Никого, кроме меня, не касается, кто сюда входит и кто выходит. – Я выдерживаю паузу. – Хотя... Извинись перед ней от моего имени, лады?

Он странно на меня смотрит, потом спохватывается и чинно кивает:

– Разумеется, сэр.

– Куинн! Сколько можно повторять? *Джек!* Нас с тобой вырастила одна и та же женщина. Мы без пяти минут братья.

На самом деле это не так. Он появился у Люси уже после того, как я покинул ее дом и поступил в колледж. Просто иногда жуть как хочется иметь брата.

Он кивает:

– Простите, сэр. Джек. Просто я очень признателен вам за работу. Мало кому хочется нанимать отсидевших.

Люси подробно рассказывала мне о его пьяной драке с другим студентом колледжа, оказавшимся, на беду, сенаторским сыном. Тот угодил в больницу с переломами руки и ребер. Куинна посадили на полгода – суровый приговор для парня, делающего первые шаги в жизни. Как я погляжу, он

очень вежливый, отлично выполняет поручения и отпугивает кого следует своим видом. Я привык слушаться своей интуиции. В случае с Куинном интуиция мне подсказывает, что он славный паренек.

– Хватит об этом вспоминать. То, как ты живешь теперь, гораздо важнее.

Он пыхтит.

– Это была самооборона, сэр. Джек. Он сам виноват. Я долго крепился, а потом не выдержал и... Пресса слишком все раздула.

– Не обязательно все это мне объяснять. Мне самому случается срываться.

Взять хотя бы драку прямо на поле в конце сезона: меня схватили за шлем, я грохнулся и повредил плечо. Не я затеял ту драку, но считается, что я.

Я хлопаю его по спине.

– Не оглядывайся назад, Куинн. Пусть болтают, тебе-то что? Таков мой девиз.

Он с надеждой смотрит на меня:

– Сегодня вечером я вам нужен? У меня нет никаких планов. Могу приехать сюда или в любое место, куда вы скажете.

Этим вечером я обойдусь без него. Но, судя по виду Куинна, ему не хочется бездельничать.

– Девон справляет день рождения в «Рейзор». Хочешь отработать лишние часы – поезжай туда.

– Приеду, сэр, – радостно отвечает он.

Через час, когда я уже пробежал пятнадцать миль на беговой дорожке, в спортзале появляется Эйден. Для столь раннего часа он подозрительно весел. Большая часть команды в отпуске, расслабляется неведь где, наслаждается обществом своей семьи или друзей. Почти все, только не я. Я усиленно потею здесь, стараясь поддержать форму.

Не то что везунчик Эйден.

В свои 23 года он уже суперзвезда, переманенная из Алабамы. Он сразу стал дышать мне в затылок, дожидаясь, пока я спекусь, чтобы занять мое место.

Он проходит мимо меня, не заговаривая, но на ходу ест меня глазами и кривит губы в улыбочке. Почему-то он выбирает беговую дорожку по соседству с моей.

Я глушу свою музыку, вынимаю из ушей наушники.

– Тебе нравится моя форма? Хочешь, покажу, как надо бегать?

По этой части я непревзойденный дока. Моя личная жизнь трещит по швам, но это не мешает мне поставить на место выскочку, метящего на мое место. Футбол – это все, что у меня есть, и я сделаю максимум, чтобы в нем остаться.

– Остынь, старичок. Не мешай заниматься.

Надо отдать ему должное: каждое утро он тут как тут и проводит здесь не меньше времени, чем я.

– Хочешь, помогу освоить правильную отдачу паса? Ты мнешься целых полсекунды. Исправь этот недостаток, иначе можешь и не мечтать о том, чтобы занять мое место

Он хмурится. Я ухмыляюсь.

– Ничего я не мнусь.

– Еще как мнешься. – Я пожимаю плечами, беру полотенце, вытираю с лица пот. Знаю, у него не выходит из головы наша последняя провальная игра.

Эйден расправляет плечи, наклоняется за штангой, напрягает бицепсы.

– Я хочу лучшего для команды.

– Воображаешь, что лучшее – это ты?

Он с грохотом бросает штангу, откидывает со лба волосы и презрительно улыбается.

– Так и есть. Прикинь, ты играешь в команде уже семь лет, и что-то я не вижу на твоём пальчике кольца Суперкубка. Ты напрочь запорол ту игру, Хоук. Пять перехватов – *пять!* В прошлом месяце ты облажался на глазах у миллионов. У этого города хорошая память. А теперь... – Он поднимает штангу, возвращает ее на стойку, раздумывает, какую взять, выбирает самую тяжелую. Мы встречаемся взглядами в зеркале. – Чувак, ты практически отдаешь мне стартовую позицию. Не ты сбил на той неделе паренька, сидя за рулем своего здоровенного *Cadillac Escalade*? То, что ты пролетел мимо Кубка, тебе бы еще простили, но того малолетнего болельщика... – Он презрительно подергивает плечом.

Меня душит злость.

– Что-то я не заметил, чтобы ты попытался забить, когда тебя ввели в игру. Ты ни на дюйм не пронес мяч. Все потому, что мнешься. Сколько ты ни пыжишься, Алабама, знай, у тебя кишка тонка.

Вот мне и удалось его разозлить.

Двойные двери спортзала распахиваются. Входит, сердито щурясь, старший тренер Джон Коннор.

– Все в порядке? – Он переводит взгляд с меня на Алабаму.

Я складываю руки на груди.

– Пустяки, мы с Эйденем малость полаялись.

– Ага, – подтверждает Эйден. – Джек меня расхваливал.

Я наклоняюсь к скамейке за бутылкой с водой и морщусь от резкой боли в левом плече, тут же распространяющейся на всю руку. Я скрежещу зубами, старательно расправляю плечи. Не хватало дать слабину перед Эйденем. И не только перед ним. Я встряхиваюсь, боль постепенно отпускает.

Тренер хмурится, переводя взгляд с моих шорт на мое потное лицо.

– Через два часа пресс-конференция. Ты уже знаешь, что скажешь?

Только пресс-конференции мне не хватало! У меня сдавливает грудь. *Знаю ли я, что скажу?* Понятия не имею!

Хоть что-то выдать – и то будет хорошо.

Я киваю с деланой уверенностью и покидаю зал. Сталки-

ваюсь лицом к лицу с Лоренсом, одетым в серый костюм с иголки. Он – сама строгость.

– Не стану ходить вокруг да около. Знаешь, как ты выглядишь? Краше в гроб кладут.

– Ну спасибо. – Я приглаживаю волосы. – Что-то не выспался.

– Еще бы! Тебя сфоткали в «Милано» и выложили в интернет. Ты напиваешься в обществе женщины. Никак необразишь, что лучше не высовываться, пока не стихнет шум, Хоук?

– У меня было свидание. Напиваюсь? Всего один стаканчик за ужином.

Он всплескивает руками.

– Свидание?!

– Незапланированное.

Лоренс кивает, пристально глядя на меня.

– Еще в «Милано» засняли, как ты сцепился с каким-то типом...

– Да не сцепился я с ним, черт бы вас всех побрал! Жить-то мне еще можно? Что бы я ни сделал, все раскладывают на молекулы.

Я пытаюсь от него сбежать, он торопится за мной на своих коротеньких ножках.

– Все правильно. Это же ты, пресса тебя ненавидит.

– Зато она обожает вранье.

– Из вранья получается хорошая история.

Я вбегаю в раздевалку и дергаю дверцу своего вместительного шкафчика. Там у меня есть все, что может потребоваться: от уличной одежды до пары костюмов.

Лоренс тянется туда и выбирает желтую рубашку поло с эмблемой тигра на груди и дизайнерские джинсы.

– Для репортеров надо одеваться тщательно. Форсить противопоказано. Знаю, ты любитель глаженных рубашечек и брючек, но тут главное – контактность. Будь милашкой. Улыбайся, не переломишься. Смягчи свой ворчливый тон.

Я расправляю плечи, делаю глубокий вдох.

– Я и так иду на контакт. Я вырос в бедности. На первом курсе колледжа я выиграл кубок Хейсмана. Почему никто этого не помнит, а? – Я негодуяюще смотрю на него. – Мы оба знаем, что я не выношу репортеров. Не могу, и все тут. Не знаю, зачем мне туда идти...

– Так решил тренер.

Я поворачиваюсь к нему и вижу, что Лоренс мне сочувствует. Он знает, какая меня охватывает паника, когда мне угрожает толпа. Я не был таким в школе – хотя, может, и был, просто не распознавал симптомов, потому что мне не приходилось выступать на публике. В колледже я их уже распознал, стоило мне однажды, сразу после трудной игры, получить микрофон прямо под нос. Тогда я сбежал от этой своры. Это превратилось у меня в привычку. В шлеме на голове я еще мог их выдержать. Иногда рядом со мной оказывался мой товарищ по команде Девон, он в основном и говорил.

Потом, когда я стал играть в Нэшвилле, от меня ждали дружелюбия к прессе, послушных интервью всякий раз, когда приспичит репортерам, ярких выступлений на приемах. Нет, такого от меня никто никогда не дождется.

Так родилась моя репутация холодного заносчивого придурка.

– Устроить пресс-конференцию – неплохая идея. Ты избегаешь их годами, так что, уж поверь мне, пресса уже истекает слюнями.

– Ничего не могу поделать, Лоренс.

– Про тебя столько всего наплели – взять хоть вранье Софии, а ты не пытаешься защититься. Ты проиграл Суперкубок. Да еще ребенка сбил – знаю, не нарочно. Пора взяться за ум и сказать пару слов в свое оправдание. Не зря же ты нанял меня. Моя задача – обелить тебя. В присутствии репортеров ты весь трясешься. Хватит. Сегодня попытайся быть другим. Если надо, смотри себе под ноги. Найди слова, чтобы объяснить, как это произошло. Ты не виноват, Джек, но когда ты не пробуешь это доказать, у людей складывается о тебе ошибочное мнение.

Я стараюсь собраться с мыслями. Понятия не имею, откуда идет этот страх. Мне страшно, вот и все.

Он фыркает.

– Людям нравятся мерзавцы, Хоук. Ты отлично подходишь под это определение. Ходят слухи, что тебя хотят сбегать в другой клуб.

– Кто распускает эти слухи?

– Я не знаю подробностей.

Я закрываю глаза.

Слухи ходят всегда, особенно после крупного поражения, но если меня уберут из команды... Это как смертный приговор. Читай: «У Джека проблемы, Нэшвиллу он не нужен». Плюс проклятое плечо. Я растираю его, потом отнимаю у Лоренса плечики и спешу в душ.

Он семенит за мной, болтая на ходу по телефону – в ушах у него наушники. Скорее всего, на связи мой агент.

Я включаю воду и кошусь на него.

– Собираешься трепаться со мной, пока я буду принимать душ?

Он поджимает губы.

– Если надо, то да. Надо отрепетировать ответы на вопросы, которые, скорее всего, прозвучат. Предлагаю свалить вину на самого потерпевшего. С какой стати он оказался за пределами стадиона, там, куда не пускают посторонних? Ты не виноват, что не заметил его...

– Он ребенок, Лоренс. Как я могу его обвинять? Убирайся-ка ты отсюда. Дай мне подумать. Лучше узнай все, что сможешь, об одной девушке, ее зовут Елена.

Он складывает руки на груди.

– Я тебе не секретарь.

– Теперь это называется «личный ассистент». Ты мой помощник по связям с общественностью, это почти одно и то

же.

Он закатывает глаза.

– Девушка?..

Я достаю из сумки соглашение о неразглашении.

– Та, с которой меня фотографировали вчера. – У меня падает сердце. – Дьявол!

– Что там еще? – Он заглядывает мне через плечо.

Я со стоном просматриваю бумаги.

– Она подписалась не своим именем.

Он пожимает плечами.

– Джульетта Капулетти. А что, звучит неплохо. Может, Елена – ее второе имя?

– Вряд ли. – Я стискиваю зубы.

– Адрес хоть написала?

– Домашний: Верона, Италия.

– Она итальянка?

Я невольно прыскаю.

– Ну и дебил! «Ромео и Джульетта», слышал? Как ты сдал на первом курсе литературу?

– Ох, и натворит твой член бед!

Я прячу бумаги в сумку.

– Узнай, кто она, понял? Утром я оставил ее, покрытую моими отпечатками, но проснуться она может не в лучшем настроении. Она думает, что я – синоптик с местного телеканала, Грег-не-знаю-как-дальше...

Лоренс полон благородного негодования.

– Ты ее обманул? Одно это делает соглашение о неразглашении недействительным. Вдруг она сразу помчится к газетчикам?

Я болезненно морщусь. О чем я только думал вчера вечером?

– Найди ее, и мы составим новое соглашение. Ведь так?

Он всплескивает руками:

– Не верю своим ушам! Ты всерьез поручаешь мне выследить девчонку, с которой ты случайно переспал?

Я прицеливаюсь в него пальцем:

– Никаких случайностей! Не смей так говорить о человеке.

Который мне понравился.

Его брови взлетают.

– Я, пожалуй, уволюсь.

– Ты грозишь уволиться примерно раз в месяц, никто уже тебе не верит. Ты во мне души не чаешь, а я щедро тебе плачу. – Я хлопаю его по руке. – У меня в этом городе два хороших друга: ты и Девон. Ты хоть догадываешься, как нам повезло, что мы вместе?

Наша троица – Лоренс, Девон и я – учились в университете штата Огайо, играли в футбол и однажды победили в национальном чемпионате. Меня взяли в Нэшвилл, где живет семья Лоренса. Футбол – не дело его жизни, но я пригласил его к себе PR-агентом, как будто знал, что без него не обойдусь. Девона – нашего лучшего распасовщика и моего парт-

нера на поле – перевели в Нэшвилл из Джексонвилла пару лет назад.

Лоренс морщится.

– Не умею я искать девчонок.

– Не ври. Ты же профессионал, настоящий шпион, всепроникающий лазер, ниндзя, карабкающийся по стенам небоскребов. Ты просто...

– Согласен, я неподражаем. Кое-что умею. – Он рассматривает свои ухоженные ногти. – Но здесь особенная ситуация. Вдруг эта особа не желает, чтобы ее нашли? Она живет где-то поблизости?

Я напрягаю память.

– В Дейзи! Это маленький городок. Никогда раньше о нем не слышал, потому что редко покидаю Нэшвилл.

Он меряет раздевалку шагами.

– Дейзи, Дейзи... Звучит знакомо...

– Раздобудь мне ее подпись, Лоренс. Ты же знаешь, какой я конченный параноик.

Он кивает, достает телефон и что-то пишет.

– Елена без фамилии, жительница городка с именем цветка¹, сорняк, если честно... – Он выразительно смотрит на меня. – Надеюсь, она стоит того, чтобы из-за нее возиться.

Стоит мне ее вспомнить – и меня бросает в жар, не вовремя напоминает о себе мужское достоинство. Уж как сверкали ее глаза, как выгибалась спина, когда она скакала на

¹ Daisy (англ.) – маргаритка.

мне...

– Ты меня слушаешь, Хоук? Информации-то с гулькин нос...

Я отворачиваюсь, чтобы он не увидел вздутие у меня в штанах.

– Она библиотекарьша. Вряд ли в Дейзи много библиотекарей.

Он тяжело вздыхает.

– Что ж, лезь под душ, я пока сделаю несколько звонков.

Елена

У меня ощущение, что мой рот плотно набит ватными шариками. Я со стоном сжимаю ладонями виски, чтобы хотя бы немного унять головную боль. Привет тебе, Армагеддон головных болей! Я скулю, чертыхаюсь. Вот что бывает, когда злоупотребляешь джин-тоником. Все, больше я не пью.

Я ворочаюсь, заслоняю ладонью глаза от света, льющегося в большое окно. Одно хорошо – шелковое белье, на котором я лежу. Не помню, когда я перестелила постель. Я ощупываю кровать. Куда подевался Ромео?

Черт! Я в чужой постели!

У меня саднит в самых интимных местечках, и я блаженно улыбаюсь. Грег. Грег. Грег. Настоящий кудесник! Знает, как сделать женщину счастливой и как поступать с ее «к-л-и»...

Я смотрю на часы. Семь часов. Я поворачиваюсь, ожидая увидеть мистера Синоптика, но огромная постель пуста, осталась только легкая вмятина в подушке от его затылка. И

записка. Я щурюсь, пытаюсь разобрать написанное, но этого мало, приходится поднести листок к самому носу.

Меня зовут Джек. Извини за путаницу, ты обозналась. 861-555-5144.

Я перечитываю это три раза подряд. Как-то сухо. Где вос-
торги?

А насчет «обозналась» – это, наверное, шутка?

Я лежу и думаю, воспроизводя в памяти нашу встречу в «Милано». Разве он не назвался Грегом?

Я спросила, тот ли он самый, он ответил утвердительно.

Не зная, что подумать, я сажусь. Превозмогая головную боль, вспоминаю события ночи. Я не знала, как выглядит Грег. Увидела парня в синей рубашке и решила, что это он и есть. Я озадаченно прикусываю губу. Подошла, села, принялась болтать...

Ну и дела! Сердце бешено колотится. Нет! Неужели я могла подсесть не к тому человеку, а он ничем себя не выдал? Как же тогда весь этот треп по погоду, про МОКРЫЙ дождь?

Унижение подпитывает злость.

Кем надо быть, чтобы прицепиться к незнакомцу?

С кем же я переспала?

Я стягиваю с кровати белую простыню, обматываюсь ею, встаю. Опасливый взгляд в зеркало. Вид у меня такой, словно я пила всю ночь: волосы так всклокочены, что даже не верится, что так бывает. На подбородке засохшая слюна, вокруг глаз размазана тушь. Так выглядят душевнобольные.

Теперь понятно, почему он дал деру.

Я ожесточенно тру лицо, пока тащусь на кухню за своей одеждой. Юбка, блузка, лифчик, подвязки – все валяется на полу. А трусиков нет.

Несколько минут уходит на то, чтобы обшарить кухню, гостиную, перевернуть все кресла, даже залезть под стол, заглянуть в мини-бар – только чтобы убедиться, что такой необходимой розовой тряпицы нигде нет. *Джек*, или как тебя там, эти трусики стоят больше, чем юбка и блузка, вместе взятые, если учесть стоимость материала и долгие часы, потраченные на пришивание к шелку крохотных блесток.

Нельзя же заявиться на важную встречу с профессионалами модной индустрии без трусов!

Неужели это он их унес?

Быть того не может! Зачем?

Я возобновляю поиски, действую медленнее и методичнее, рыщу по всему пентхаусу. Заглядываю под кровать, проползаю на коленках весь периметр кухни – все без толку.

Остается одно объяснение, думаю я, выпрямляясь и снова вчитываясь в его записку еще раз. Кулаки сжимаются сами собой.

Джек – лгун и воришка. *Мудак*, говоря по-простому.

Я уже предвкушаю, какую записку оставлю ему я, даже проговариваю ее разящий текст вслух. Пинаю ножку кресла и отшибаю себе ногу, издаю отчаянный вопль, из глаз брызжут слезы.

Аккуратный стук в дверь. Я бросаюсь туда, смотрю в глазок и вижу высокого парня с сострадательным выражением на лице. Черная водолазка, брюки тоже черные. Ко мне пожаловал сам Джеймс Бонд.

Я распахиваю дверь.

– Где Джек, черт возьми? – вопрошаю поставленным учительским голосом – так я обращаюсь к ребятне, грозящей библиотеке разгромом; особенно опасны в этом смысле старшеклассники. Публика такого рода забрела ко мне на прошлой неделе, искала что-то для выполнения заданного им проекта; ясное дело, одна парочка уединилась за стеллажом и давай целоваться там взапрос – не нашла для этой цели лучшего места, чем Публичная библиотека Дейзи!

Он бледнеет при виде тоги, в которой я его встречаю. Не успела одеться, слишком занята была поиском трусиков.

– Доброе утро, мэ. Вы... Все в порядке? Я услышал шум и решил проверить, в чем дело.

Он не может отвести взгляд от розового лифчика, висящего на моем пальце, и медленно заливается краской.

Я прячу лифчик за спину.

– Я в полном порядке. Тут нечего проверять.

Он сглатывает и смотрит куда-то у меня за спиной.

– Простите, что потревожил. Однажды сюда вломился репортер и все перевернул вверх дном. Одна девица стащила всю одежду Джека.

– Рада за нее.

Он моргает.

– Я просто хотел удостовериться, что с вами все хорошо, мэм. Джек дал мне эту работу по доброте сердечной, было бы нехорошо его подвести. – Он выдерживает паузу. – Он просил передать вам извинения.

– Извинения? Господи! А он хорош – прислал вас извиниться вместо него!

Юный Джеймс Бонд смущен.

– Обычно девушки, с которыми Джек встречается, рады, когда...

Я уже не могу сдержать гнев.

– Вы только ухудшаете ситуацию.

Он опускает голову, прячет глаза.

– Простите, мэм. Напрасно я упомянул... других девушек. Здесь их давно не бывало.

Неожиданно!.. Мне хочется лучше его рассмотреть, прочесть все, что написано у него на лице. Я тянусь за сумочкой, достаю очки, надеваю их и разглядываю парня. Результат положительный: ему сильно не по себе.

Он откашливается, принимает солдатскую стойку.

– Вы охраняете Джека?

Он по-уставному кивает:

– Так точно, мэм.

– Хватит так ко мне обращаться. Вы ненамного моложе меня.

– Да, мэм, простите... Я южанин, это сильнее меня. Мо-

жет, сбегать купить вам что-нибудь на завтрак? Или заказать внизу, они мигом принесут. Тут кормят так, что пальчики оближешь. – Он отводит глаза, чтобы мне не было неловко.

У меня сразу начинает урчать в животе. Я огорченно вздыхаю. Жаль, сейчас не время чревоугодничать.

– Простите, не расслышала: как вас зовут?

Он сует мне ладонь.

– Куинн. Всегда к вашим услугам.

Я крепко пожимаю ему руку.

– А Джек? Куда он убежал?

Он странно на меня смотрит, как будто я должна знать ответ.

– Он на стадионе. Сегодня большая пресс-конференция.

– Понятно. – Я вспоминаю его могучее телосложение, горю мышц. Стадион в Нэшвилле – это либо хоккей, либо американский футбол. Джек сказал, что его девушка предпочла ему хоккеиста, следовательно... – Футбол не дает выпасться.

Он широко улыбается.

– Он тренируется больше, чем любой другой квотербек во всей Лиге. Он – живая легенда. Благодаря ему Нэшвилл четыре раза выигрывал чемпионат Американской конфедерации футбола. Средний результат его сезона – четыре тысячи сто четыре ярда пасов, пятьсот пятьдесят один ярд бросков и тридцать один тачдаун. Да, мы еще не выиграли Суперкубок, но это не его вина. В следующем сезоне все получится, я чувствую. – От воодушевления он краснеет.

– Ух ты! – Для меня все это сплошная абракадабра. – Продолжайте, люблю футбольную статистику. Какие еще подвиги у Джека на счету?

Он странно на меня смотрит, но видно, что ему нравится рассказывать про Джека.

– Нас все еще корят за проигрыш Питтсбургу в этом году, но выигрыш – это общекомандный результат. Нам нужно укреплять защиту. Его репутация страдает из-за его прошлого.

– Знаю. Его прошлое. Оно всюду его преследует. Очень жаль! – Я выжидающе смотрю на Куинна, он согласно кивает:

– Так и есть. Один раз его оштрафовали за нетрезвое вождение и отправили на скамейку запасных – что с того? С тех пор прошел не один год. В двадцать два года ему заплатили двадцать четыре миллиона, на четырнадцать миллионов больше, чем квотербеку, игравшему до него. Иногда он зарывался. У парня, который даже не мечтал о таких деньжищах, не могла не закружиться голова. – Он делает большие глаза – спохватывается, что наболтал лишнего.

Я с ним согласна.

– Понимаю. Когда был матч за Суперкубок?

Он еще сильнее округляет глаза.

– В прошлом месяце, мэм. Вы не смотрели?

– Как-то не сложилось.

Он смотрит на меня разочарованно: я низко пала в его

глазах.

– Да, не повезло.

Я стараюсь не выдавать, что постепенно понимаю, кто такой Джек. Качок. Долбанный спортсмен! Знаменитость, заколачивающая миллионы!

Это настолько невероятно, что недоумение читается, на верное, у меня на лице. Куинн хмурится:

– Вам нехорошо, мисс?

– Пожалуйста, называйте меня Еленой, я настаиваю, – бормочу я рассеянно, лихорадочно соображая, как вытянуть из Куинна какие-нибудь еще сведения. – Вернемся к Джеку. Каким он вам показался сегодня утром, когда уходил?

Куинн колеблется.

– Может быть, немного усталым. Слишком много забот. Сами знаете, как непросто ему сейчас приходится. Пресса его возненавидела без всякой причины. Он – добрейший мальчик, других таких я не встречал. Он взял под опеку мальчугана, которого зацепил, оплатил все расходы на его лечение и никому об этом не сказал.

Добрейший? Наврал мне и утащил мои трусики, хорош добряк!

И что еще за мальчуган?

Я расправляю плечи. Не уйду отсюда, пока не узнаю толком, кто такой Джек и зачем он... почему он... Я прикусываю губу. Он подарил мне такое счастье!

И обманул, а это перевешивает все остальное.

Мне стыдно от предательского урчания в животе.

– Когда он вернется?

– Не уверен, что он вернется. Обычно он ночует в другой своей квартире. Но вы можете оставаться здесь, сколько захотите.

Понимаю, здесь дворец для секса. Я прилагаю титанические усилия, чтобы не взорваться.

– Скажите, Куинн, Джек заботится, чтобы здешний холодильник был полон? – спрашиваю я, подбегая к холодильнику во французском стиле, из нержавеющей стали, и распахивая дверцу.

Он не отстает от меня ни на шаг.

– Это моя забота. Если вас все устраивает, я уйду.

Яйца, зеленые перцы, полный поддон первосортных сыров.

– Ах, Куинн... – Как легко я перехожу от негодования к блаженству! – О лучшем не приходится мечтать! Свежий шпинат... – Я издаю стон вожделения. После вчерашнего ужина минула, кажется, целая вечность. К тому же за плечами у меня изнурительный ночной марафон. – Хотите есть?

Он неуверенно смотрит на меня и отворачивается, как будто его больше занимает входная дверь.

– Не откажусь. Видите, тут еще есть грюйер...

– Вы отменный закупщик, Куинн. Пожалуй, я поручу вам набивать холодильник и для меня.

Он молча на меня смотрит. Я поставила беднягу в тупик,

теперь он меня боится. Тем лучше.

Хлопая дверцами кухонных шкафов, я нахожу наконец миски и победно улыбаюсь ему через плечо. Знаю, я похожа на ненормальную: всклокоченная, замотанная в простыню; что ж, отчаянное положение требует отчаянных мер.

– Я все-таки пойду... – лепечет он, наблюдая, как я разбиваю яйца о край гранитной столешницы и выливаю в миску.

Приходится снова прибегнуть к учительским интонациям.

– Сядьте, Куинн. Никто не станет штурмовать входную дверь в такую рань. Лучше взбейте яйца и нарежьте шпинат, а я пока пойду приведу себя в порядок. Вернусь – сделаю нам омлет. Увидите, вам понравится.

А ты в благодарность выложишь мне все о Джеке.

– Лучше я...

Я сую ему в руки миску.

– Вы ведь голодны?

Он неохотно кивает:

– Типа того. Обычно я звоню в ресторан внизу, и мне приносят еду оттуда.

Я снисходительно улыбаюсь:

– Молодым крепким парням вроде вас нужна домашняя еда. Мне тоже, кстати. Сами видите, у нас уже появилось кое-что общее. Мы обязательно подружимся. Я мигом.

Я хватаю свою сумочку вместе с одеждой и шмыгаю в мраморную хозяйскую спальню с зеркалом во всю стену. При

виде своего отражения в нем я испускаю жалобный стон. Похоже, меня здорово заездили. И кто? Лживый футболист! Не сказать, что у меня зуб на спортсменов, но я не принадлежу к их типажу. Я не из тех, с кем они развлекаются. Меня влечет скорее к людям интеллектуального склада: к юристам, преподавателям, программистам, на худой конец – к ведущим прогноза погоды.

Я умываю лицо, причесываюсь, кое-как завязываю на голове узел, поспешно одеваюсь (оставшись, ясное дело, без трусов). Уже покидая ванную, спохватываюсь и пишу на зеркале своей вишневой помадой:

Отдавай мои трусики, Джек!

8

Елена

Через пару часов после далеко не такого информативно-го, как я надеялась, завтрака с Куинном я за стандартные двадцать минут, вцепившись в руль, доезжаю по сороковому шоссе до своего Дейзи. Куинн был готов обсуждать только футбольную карьеру Джека, а о его личной жизни упорно молчал. Тем не менее он мне понравился. Не его вина, что Джек мне наврал.

Я стыжусь ночи любви, не подразумевавшей продолжения. Уверена, водителю в любой встречной машине видна огромная алая буква «А»² на моем лице. Да, я проявила слабость. Напилась джин-тоники и забыла вовремя остановиться.

Хотя, если начистоту, кое-какую роль сыграли его поце-

² Отсылка к роману Натаниэля Готорна «Алая буква», в котором героиня, совершившая адюльтер, была обязана носить платье с вышитой красной буквой «А».

луи.

А также то немаловажное обстоятельство, что он оказался горяч как огонь.

На телефон приходит эсэмэска. Наверное, это Тофер – проверяет, как я. Но я никогда не пишу эсэмэс и даже не отвечаю на звонки, пока веду автомобиль. К тому же утром, еще из пентхауса, я уже отправила ему эсэмэску: *жива, еду домой*. Телефон никак не успокаивается. Приходится ско-
сить глаза на пассажирское сиденье, где он лежит. Отправи-
тель эсэмэски – «Сексуальный юрист». Я сжимаю челюсти.

Почему я до сих пор не удалила Престона из списка своих контактов?

Бранясь про себя, я покидаю трассу и заезжаю на заправку. Престона следовало бы проигнорировать, но он видел, как я уходила из ресторана с Джеком, и мне любопытна его реакция. Я беру телефон и читаю его сообщения. Первые пришли раньше, но их я пропустила.

«Утром я был у твоего дома, тебя не было».

«Ты провела ночь с ним?»

«Елена, ты сошла с ума? Он нехороший че-
ловек».

И последняя: «ПОЗВОНИ МНЕ».

Позвонить ему? Я фыркаю, вспоминая обиду и злость, накопившиеся после потраченных на него месяцев; я вообра-

жала, что он меня понимает, но это оказалось заблуждением. Мы познакомились, когда он появился в библиотеку – в костюме и галстук, с обаятельной улыбкой на смазливой физиономии. Недавний выпускник юридического факультета, он устроился на работу в дядюшкину фирму. Он не пожалел на беседу со мной целого часа, и я посчитала его теплые карие глаза лучшим, что видела в Дейзи с тех пор, как сюда вернулась. Он ушел с двумя аудиокнигами Стивена Кинга и моим номером телефона, и в городишке быстро начали о нас шептаться. Секс не исключался, но я не торопилась: всему свое время.

И что же?

В городок нагрянула моя сестрица, и все кончилось.

Я меняю его имя на «Юрист-кобель» и еду дальше.

Тейлор Свифт блеет «Тебе бы успокоиться», под ее блеение я заезжаю на булыжную дорожку перед моим белым домиком в два с половиной этажа на Ист-Мейн. Это строение ста с лишним лет от роду и площадью пять тысяч квадратных футов мне завещала бабушка. Все в нем приходится постоянно подновлять и ремонтировать, включая гараж, где я прячу от любопытных глаз свой автомобиль. Зато деревянный дом полон южного очарования, все так же кокетливо белеет, как сто лет назад, и гордится пряничной башенкой справа. Рядом с кустом азалии блестит железная табличка «Краса Дейзи, 1925 г.». Дом принадлежал трем поколениям моей семьи. Широкую веранду сторожат горделивые колон-

ны, во дворе – магнолии по обеим сторонам. Сам дом охраняют две огромные плакучие ивы. К крыльцу ведет дорожка из серо-голубой брусчатки. Видя все это, я неизменно испытываю радостное чувство, помогающее бороться с тяжестью на душе. В те дни, когда городок особенно настойчиво сводит меня с ума, возвращение домой становится сладостным бальзамом.

Тофер открывает дверь и бежит мне навстречу, прыгая через две ступеньки. На нем узкие джинсы, футболка (на этот раз – с головами участников рок-группы *REM*), черные кроссовки, он держит на руках извивающегося розового Ромео в связанном мной красном свитере.

– Где ты была? – Он не ждет ответа и продолжает, гневно глядя на Ромео: – Твой Адский Свин сжевал носы у моих винтажных кед. Светло-салатовых, высоких! Представляешь, сколько они стоят?

Я закатываю глаза. Тофер – мой тощий ровесник с буйной белой шевелюрой, выглядящий так, словно только что пришел с калифорнийского пляжа с доской для серфинга под мышкой. На самом деле он наш, южанин, самую малость сумасброд с массой превосходных качеств. Мы познакомились на спектакле в Культурном центре Дейзи, когда я только сюда вернулась. Режиссер поставил «Неверленд», он играл Питера Пена, я – Венди. Вскоре у него истек срок аренды крохотной квартиры, и он переехал ко мне. У меня слишком много места: шесть спален, четыре ванные комнаты, акры

чудесных плавных холмов позади дома.

– Кажется, ты принес эти кеды с благотворительной распродажи. Разве они хоть что-нибудь стоят?

Он ухмыляется:

– Неважно, где и сколько я за них заплатил. Светло-салатовый – мой цвет, милая. Он мне очень идет. Адского Свина надо учить послушанию.

Ромео хрюкает и недовольно смотрит на Тофера, но тот не собирается отдавать его мне.

– Какой милый свитерок ты на него натянул! – говорю я.

Он ежится.

– Так холодно же!

Что бы он ни говорил, розовый поросенок ему нравится – пусть совсем немного.

– Ладно, наплевать на кеды! – Он целует меня в обе щеки и озабоченно оглядывает с головы до ног. – Утром пришла эсэмэска от Грега. Он пишет, что простудился, поэтому не ответил, когда ты написала ему вчера вечером, что опаздываешь. Пишет, что сожалеет, что вы не встретились, просит прощения, собирается тебе позвонить, бла-бла-бла-бла-бла. Я огорчен, вы так друг другу подходите!

– Простудился? – Я бы предпочла, чтобы он слег с чем-нибудь посерьезнее.

– Он предлагает договориться снова.

– Нет уж, хватит с меня. Сейчас не время. Я пока что не готова с кем-то встречаться.

Его светло-голубые глаза скользят по моей мятой юбке, по блузке, он с понимающей улыбкой опускает Ромео на землю. Поросяенок семенит за нами. Тофер берет меня под руку.

– Забудем про Грегга. Но встает вопрос: где ты провела *всю ночь*? Убеди меня, что ты не оплакивала Престона в каком-нибудь сыром углу.

Я обиженно поджимаю губы и сердито парирую:

– Цитата из тетушки Клары: «Престон – кусок дерьма в чаше для пунша». Правда, я видела его вчера в «Милано», он был с Жизель. Похоже, это модное место встреч в День святого Валентина. У меня было там свидание с другим человеком.

Он показывает мне большим и указательным пальцами, как близок был к тому, чтобы мне напакостить:

– Мне вот столечко не хватило, чтобы позвонить твоей матери, когда ты не вернулась домой.

Я замираю.

– Предатель! Берегись, я зарежу тебя во сне, если ты посмеешь ей намекнуть...

– Чур меня, чур! Я пошутил. Она внушает мне страх. – Тофер ухмыляется. – Так кто же счастливчик?

Чувствуя, что густо краснею, я беру Ромео на руки и чешу его за ушком. Он тычется пяточком мне в ладони и шумно вздыхает – так я трактую этот вид его хрюканья.

– Неважно.

– Подцепила кого-то в баре?

Держи карман шире!

Я перевожу взгляд на заведение *Cut'N' Curl* через улицу – салон красоты моей матери и тети Клары. Весь городок ходит туда делать прически и обмениваться свежими сплетнями. На стоянке салона теснота, как всегда по субботам. В десять утра, открывшись, они наверняка обратили внимание, что моя машина отсутствует. Если они спросят, я могу ответить, что ездила по делам. Вот только тетя Клара – моя ближайшая соседка, а мимо ее носа и комар незамеченным не пролетит.

– Туда никто не заходил. Они еще в неведении, – ободряет меня Тофер с хитрым видом. – Но учти, если ты не расскажешь мне, что происходит, мне придется зайти к ним, чтобы подровнять челку, и обмолвиться, что одна библиотечка не ночевала дома.

Я игриво шлепаю его по руке и вхожу в дом. Меня, правда, покидает напускная дерзость.

Для него я – открытая книга.

– Хватит скрывать, Елена. Будь собой. Подумаешь, интрижка со случайным мужчиной...

– С чего ты взял?

– У тебя на голове черт знает что, одежда вся мятая и, ко всему прочему, – аппетитно распухшие губы.

– Какое у тебя бурное воображение!

– Просто я знаю, что такое заниматься сексом всю ночь. – Друг улыбается, на загорелом лице сверкают белоснежные зубы. Что с того, что на дворе февраль: он поклонник загара

и валяется в шезлонге даже в разгар зимы.

Я кладу сумочку на диван и падаю в выгоревшее синее кресло, кружевное покрывало для которого сшила бабушка. Я никак не соберусь поменять в доме мебель, в основном из-за нехватки денег. К тому же мне нравится старая, она хранит воспоминания.

– Ну, кто это был? Неужели кто-то с сайта знакомств?

– Нет, – бормочу я. – Это был Джек Хоук.

От удивления он разевает рот.

– Тот самый, квотербек «Тигров»? Который любого сломаёт в два счета? Самый настоящий Джек Хоук?

– Самый настоящий.

Он так светится от восторга, что можно не включать свет.

– Погаси свою улыбку, – ворчу я, растирая себе затылок: только возвращения головной боли мне не хватало! Я опускаю Ромео на пол, сначала он бежит кругами, а потом скрывается в маленькой палатке – своем домике в углу гостиной. Слышно, как он там возится, устраиваясь поудобнее. – Это было ужасно.

– Ты про секс? Черт, а я-то уже грезил о нем наяву...

– Прекрати! – приказываю я. – Я хочу обо всем этом забыть.

– Как же это случилось? – Он садится напротив меня на старый бархатный диван и закидывает ногу на ногу. – Вот как я это вижу: ты сидишь вся такая печальная у стойки, говоришь, что Грег не пришел, глядь – этот горячий качок тут

как тут, видит твои черные туфельки и постепенно понимает, что ему очень повезло...

Если бы все было так, я бы, наверное, не мучилась.

– Не совсем так.

– Хватит надо мной издеваться, давай подробности!

Я качаю головой:

– Я сама села к нему за столик.

Тофер наклоняется вперед:

– Значит, ты его подцепила? Вот это да! Предвкушаю захватывающий рассказ. Колись, Елена!

– Какой ты надоедливый!

– А вот и нет.

– А вот и да.

– Ладно, возможно, не без некоторой склонности надоедать. Зато я позаботился о свине...

– Его зовут Ромео.

– Неважно. Выкладывай, Елена, умоляю! Сама знаешь, после того, как мы с Мэттом расстались, чужая любовная жизнь – главная пища для моей души.

Я вздыхаю. Он старается не вспоминать Мэтта. Мне понятно, что его тревожит: он переживает за меня с тех пор, как Престон ушел к Жизель.

– Ладно, слушай. Я села за столик к Джеку, потому что приняла его за Грегa. На нем тоже была синяя рубашка, он был один, хмурый. Сам знаешь, я не смотрю футбол. Дейзи – такой маленький городок, что у нас даже команды своей нет.

А у меня нет телевизора. – От смущения я закрываю ладонями лицо. – Обхохочешься! Казалось бы, я должна была его узнать, видела же я трансляцию матча где-нибудь в баре... Его лицо показалось мне знакомым, но это только укрепило меня в мысли, что он – Грег, синоптик из телевизора...

Тофер покатывается со смеху.

– Ты переспала с самым сексуальным, самым распушенным обормотом во всем Нэшвилле! Ты что, не догадываешься, что его всю жизнь преследуют женщины? Говорят, Джек из-за этого нанял охрану. – Он хватает со столика свой блокнот. – Надо это записать. Я вставлю этот эпизод в свой Великий Американский Роман...

– Так себе идея, – бормочу я, вспомнив про соглашение о неразглашении, потом вскакиваю и принимаюсь расхаживать взад-вперед. Тофер провожает меня глазами и хмурится.

– Собираешься снова с ним увидеться?

– Нет, повторения не будет.

Он с унылым видом откидывается на диванные подушки.

– Тебе хоть понравилось? Что там у него ниже пояса? Пропорционально размаху плеч?

У меня вспыхивают щеки и зудит все тело от воспоминания об оргазмах минувшей ночи. По этой части ему и вправду нет равных. Первый раз – на кухне, когда он стоял на коленях; второй раз – на полу в спальне, когда он был сзади; ну и в третий раз, когда мы, наконец, добрались до постели...

Я набираю в легкие воздух и не тороплюсь выдыхать.

– Лицо у тебя сейчас краснее стоп-сигнала, – зубоскалит Тофер.

– Хуже всего то, что Джек скрыл от меня, кто он на самом деле, и смылся до того, как я проснулась.

Он морщится, захлопывает блокнот.

– О-па! Эта информация не для дневника. Каков подлец!

Я тяжело дышу, опять вспоминая, как позорно принимала Джека за Грега.

– Он обмолвился о блоге, я решила, что он видел мои эскизы, а на самом деле он принял меня за блогершу, которых не счесть... – Я морщу лоб. – Что ему стоило сказать, что я обозналась? Зачем было это скрывать?

Друг пожимает плечами и игриво поднимает брови.

– Ты была в своем развратном наряде?

– В том, что с единорогом.

Он присвистывает.

– Как мило!

– Он присвоил мои трусики.

– А вот это никуда не годится. Их надо вернуть.

Тофер знает, как для меня важна моя работа и как я обожаю придумывать и шить разные вещички, которые хотела бы надеть сама. Мои изделия – полная противоположность плохо сидящему, безразмерному ширпотребу с прилавков. Я создаю уникальное белье, от которого глаз не оторвешь, – причудливое, сексуальное. Оно предназначено для дерзких

женщин с хорошей фигурой.

Неодобрение на лице Тофера превращается в скорбную гримасу, причем скорбь усугубляется на глазах. Он встает и, волоча ноги, приближается ко мне.

– Знаешь, детка, у меня есть для тебя другие новости. Лучше ты узнаешь их от меня, чем еще от кого-нибудь.

– Умоляю, подтверди, что мама и тетя Клара ни при чем! – прошу я со стоном. – Вечно они за мной подглядывают, мне даже приходится запира́ть комнату, где я шью.

Он качает головой, его длинные волосы красиво взлетают в воздух.

– Не томи, выкладывай!

– Я только что заглянул в *Cut'N' Curl* за баночкой *Sun Drop*. Сама знаешь, они получают его напрямую от производителя. Там была Жизель... – Он затихает, и мне становится нехорошо.

– Она видела меня с Джеком!

Тофер наблюдает за моей реакцией.

– Она ни слова не сказала про тебя и Джека...

– Но?..

Он гримасничает, тяжело вздыхает, смотрит нежно:

– Она хвасталась колечком. Крутила его на пальце, совала всем под нос. Мне так жаль!

Мое сердце придавливает тяжеленным куском свинца, я силюсь его сбросить, извлечь из груди и отправить куда подальше. Мне нечем дышать.

– Колечко, говоришь?

Он садится на подлокотник кресла.

– Вчера вечером Престон сделал ей предложение. Кольцо он спрятал в чизкейке. Власть стереотипов! Тоска, а не праздник.

Я ломаю руки. Конечно, я знала, что это произойдет. Воскресные обеды, когда мне приходилось сидеть напротив них, буквально вопили: «Готовься! Жизель глаз не может от него отвести. Втюрилась по уши».

Невольно вспоминаю, как она объявилась на моей вечеринке на День независимости и впервые его увидела. Раньше она жила в Мемфисе и все полгода, что я встречалась с Престоном, умудрялась с ним не пересекаться. Она – высокая длинноногая блондинка, на три года младше меня, в придачу красотка: личико в форме сердечка, младенчески голубые глаза.

Помню чувство слабости в ногах, когда я их знакомила, помню, как засияли у нее глаза, когда он энергично потрянул ее руку.

Я не замечаю, как Тофер исчезает на кухне и возвращается с бурбоном для меня.

– По-моему, сейчас тебе полезно хлебнуть дорогого напитка.

Я делаю маленький глоток.

– Бабушкино сокровище, двадцатилетняя выдержка. Если снова начать пить, то, конечно, только это.

– Она бы не возражала. Бабуля была бунтарка, прямо как ты.

Я плюхаюсь в кресло. Меня валит с ног усталость. Сейчас я кто угодно, только не бунтарка.

– Я уже это говорил, но повторю: Престон тебе не подходил. Он – надутый козел с кочергой в заднице. Это ж надо было отыскать мужика, не способного разглядеть ни тебя, ни всего того, что ты делаешь для... даже для уродливого свина!

Ромео высовывает голову из своей палатки и зыркает на Тофера. Его взгляд говорит: «Знаю-знаю, что ты обо мне сказал!»

– Он умница, чтоб ты знал!

Когда его бросили год назад на стоянке косметического салона, он был при смерти, бледная морщинистая кожа да кости, такой худенький, слабенький, едва дышал. Я вся в слезах принесла его к ветеринару. Всю дорогу молилась, чтобы малыш выжил, и клялась взять его под опеку.

Тофер берет Ромео на руки и ласково его похлопывает.

– Ладно, он неплох. Хотя, конечно, когда у него пучит животик – то еще удовольствие... Вчера, когда он носился по дому, искал тебя, я над ним сжалился и взял к себе в постель, пожертвовав своим бесценным бельем!

– Искупать его не забыл?

– Не забыл. Адские хрюшки любят устраивать бардак. Воды было! Вдобавок он сжевал резиновую уточку.

Я выдавливаю улыбку, хотя мне не до веселья.

– Серьезно, Елена, Престон не видит свою женщину. Он не обращал внимания на все твои замечательные таланты.

– Прекрати. – Я изнуренно растягиваю губы.

Он дружески меня обнимает.

– Выше голову! Надень что-нибудь удобное, поваляемся в моей постели наверху, почитаем... Потом я поведу тебя проветриться. Тебе полезно выпить, старушка.

– Я всего на полгода старше тебя. Перестань, никуда я не пойду. Мне просто хочется спрятаться в свою скорлупу. Я останусь дома.

Еще можно заняться шитьем, если я всерьез намерена установить контакты с компанией нижнего белья.

Он морщится.

– Не вздумай! Сегодня у Майкла день рождения, забыла, что ли?

Точно, совсем забыла! Майкл – один из нэшвиллских друзей Тофера, время от времени проводящий с нами время. Он – натурал, но они с Тофером не разлей вода еще со школьных времен.

Тофер косится на меня – продолжает отслеживать мою реакцию на помолвку Престона. Я не подаю вида, что мне больно.

Я вздыхаю. Может, мне и впрямь полезно развеяться, на-танцеваться до одури.

– В ночные клубы я вечно заваливаюсь черт знает в чем.

Он проникновенно прижимает руки к груди.

– Доставь мне удовольствие, дай подобрать тебе наряд.

Он редко выглядит настолько оживленным.

– Мне знакомо это твое выражение лица. Намечается одна из ваших тематических встреч?

Он утвердительно кивает.

– Вчера мы с Майклом обо всем договорились. Тема – фильм «Бриолин». Я – Джон Траволта, ты – Оливия Ньютон-Джон.

Он довольно потирает руки, весь в предвкушении.

– Не надо! – взываю я. – Не хочу маскарада!

– Крепись, Елена Мишель! Я позаботился о твоём копытном любимце, а ты теперь изволь сыграть роль на нашей вечеринке. За тобой должок.

– Перестань называть меня двумя именами! Ты мне не мать.

Но он уже паясничает на ступеньках полированной лестницы из вишневого дерева в холле.

– Полюбуйся на меня, я – Сандра Ди, мне осточертела моя девственность... – Добравшись до верхней ступеньки, он кричит: – Позже я потребую от тебя деталей о Джеке Хоуке и его сексуальном мастерстве. Ты скомкала подробности.

– Больше не собираюсь с ним видеться, поэтому они неважны.

– Злобная карга!

Он исчезает в своей комнате, а я хватаю Ромео, вылезшего из своей палатки, и звонко его чмокаю. Все, что относится к

прошлой ночи, включая новость о помолвке, лежит на моих плечах как тяжелая дождевая туча. Я уныло вздыхаю.

– Что мне делать, Ромео?

Ромео, глядя на меня, потешно гримасничает.

– Я переспала со знаменитым футболистом, – сообщаю я поросенку. – Он спер мои трусы. Мало того, Престон и Жилье женятся, а я... – Я всхлипываю. – Мне полагается за них радоваться. Ну, что ты обо всем этом думаешь? – Я вопросительно смотрю на него.

У вас серьезные проблемы, леди, отвечают его глазки.

9

Джек

– Стервятники кружат...

Я оглядываюсь на Лоренса, пробормотавшего эти слова. Мы проталкиваемся сквозь толпу операторов и репортеров, набившихся в зал для пресс-конференций. Перед каждым креслом вдоль длинного стола выставили целый ряд микрофонов. При нашем появлении толпа расступается. Я смотрю прямо перед собой. После разговора в раздевалке я слегка взбодрился и уже питаю некоторую надежду, что справлюсь со всей этой сворой.

Я сажусь в центре стола. Справа от меня усаживается тренер, слева – Лоренс.

Вбегает Девон и, глядя на меня, поднимает кулак – мол, крепись.

– Долой страх! Здесь моя любимица. – Он манит к себе смазливую репортершу. – Рад вас видеть. Позвоните мне, ко-

гда будет минутка.

Она краснеет. Уже неплохо.

– Девон, – шепчу я, – ты мог бы не приходить. Но ты опоздал и привлек всеобщее внимание. Все смотрят на тебя. – Я изображаю уверенность, которой нет в помине. Собственно, я всю жизнь только этим и занимаюсь.

– Главное – хороший план. – Он приподнимает брови, широко улыбается, проводит ладонями по торчащим во все стороны идеально уложенным рыжим волосам. – К тому же я отлично смотрюсь в кадре.

Девон садится в дальнем конце, устраивается поудобнее и обводит комнату ленивым взглядом, подмигивая каждому, кто не отводит глаз.

Лоренс наклоняется к нему и шипит так громко, что слышно даже мне:

– Немедленно уймись, не то будешь платить мне за исправление твоего имиджа.

– Нэшвилл меня любит, Лоренс, – весело отвечает Девон. – Не бойся, я не умею ошибаться.

– Дай болельщикам время. Они непостоянны.

Тренер занимает место спикера и смело смотрит в объективы.

– Спасибо, что пришли. Знаю, вам не терпится узнать последние новости о команде. – Он косится на меня.

Я уже устал стискивать челюсти, изображая спокойную решимость.

– Первым делом – ответ на первый вопрос, который, как я знаю, вы хотите задать. Результат анализа крови Джека Хоука готов. На момент несчастного случая в ней не было ни алкоголя, ни наркотиков. Нет никаких причин исключать его из команды. Правда в том, что все мы стеной стоим за Джека. Мы его поддерживаем. Он был и остается лидером «Тигров». – Долгая пауза. – А теперь вопросы. Если они есть, Джек готов на них ответить. Уверен, вы знаете, что он годами не отвечал на вопросы репортеров, но сегодня он согласился нарушить молчание.

У меня так колотится сердце, что его удары слышны, наверное, каждому в этой комнате.

Внезапно в комнате появляется Эйден. Прислонившись спиной к стене, он отыскивает глазами человека из *Adidas*. Все ясно, Джек Хоук – больше не лицо *Adidas*. То, что они от меня отвернулись, не должно удивлять: с момента выхода книги Софии я этого ждал. Полагаю, события этой недели стали просто вишенкой на торте.

Дверь снова открывается, и я вздрагиваю. В инвалидном кресле въезжает Тимми Кейн, тот мальчишка, которого я сбил; одна рука у него в гипсе. За спиной у него маячит мама. Они замирают рядом с Эйденем.

Ему-то что здесь делать? Он еще ребенок.

В следующее мгновение я обо всем забываю: ко мне кидаются репортеры, камеры наведены на меня как стволы.

– Джек, вам предъявлено обвинение в причинении вреда

по неосторожности?

– Джек, вы знаете, что сбито́му вами мальчику всего десять лет?

Наверное, они еще не заметили, что он здесь.

– Джек, вам известно, что болельщики запустили петицию с целью исключения вас из команды?

– Джек, это правда, что София Блейн пишет о вас статью для *Cosmopolitan*? Она утверждает, что вы заставили ее сделать аборт.

Ни к чему я ее не принуждал! У меня пересохло во рту, голова идет кругом.

– Джек, почему вы не даете интервью?

Голоса сливаются в один, крику все больше, толпа пожирает меня глазами, я сижу весь мокрый. Стискивая под столом руки, я молюсь, чтобы никто не заметил, что меня тошнит. Все силы уходят на то, чтобы сохранить спокойное выражение лица. *Ни на что не реагируй. Говори тихо. Спокойствие – твое спасение.*

Всех опережает парень в джинсах, с бейджем канала *ESPN* на груди. Узнаю его: это Джон, ведущий популярного ток-шоу, крупная медийная величина.

– Джек, можете точно сказать, что случилось?

Я киваю, но голоса нет. Я делаю свою дыхательную гимнастику: четыре коротких вдоха, один глубокий – и длинный выдох.

– Эй, лови! – доносится издали голос Девона. Он стоя дер-

жит футбольный мяч – я не видел, что он его притащил.

Включается автопилот, я вскакиваю и инстинктивно ловлю мяч.

– Когда мяч у тебя, ты не можешь молчать. Ты всегда говоришь нам, как действовать. – Он ухмыляется, я отвечаю тем же. Не скрою, держа в руках кожаный мяч, я обретаю желанное спокойствие. *Это – мое, я дома.*

Он понимающе кивает и садится, сутуля спину.

Я стою лицом к моим недругам – и к мальчишке, которого покалечил, – держа в руках то, что мне дороже всего.

Придется тебе им ответить.

Твоя задача – вправить им мозги.

В комнате жара, с горящим лицом я поворачиваюсь к репортерам.

Все затаили дыхание и ждут; некоторые уже строчат в своих блокнотах – не иначе, фиксируют свои удачные мысли на тему того, какой я идиот. Им невдомек, как мне тяжело, как страшно стоять вот так перед незнакомыми людьми.

Стискивая мяч, я откашливаюсь. Вся комната замирает в ожидании.

– Спасибо, что пришли.

Ничего не могу поделать со своим низким голосом, стараюсь только смягчить сварливый тон.

Вижу, Девон показывает мне язык, и усмехаюсь. Это помогает!

Набираю в легкие воздух и иду к подиуму.

Выше голову, Джек. Что с того, что ты наделал ошибок на первых шагах своей карьеры? Зато ты отдал этому городу лучшие годы своей жизни. Я стараюсь унять волнение, расплести комок нервов в груди, посадить их на цепь.

– Случившееся три дня назад было несчастным случаем, – начинаю я. – Я уезжал со стадиона после тренировки, двигался задним ходом со своего парковочного места и, не заметив мальчика на самокате, толкнул его бампером. Результат – перелом руки и растяжение лодыжки. Врачи говорят, что он идет на поправку. – Я говорю все резче. – Правда в том, что в этой истории нет ничего выдающегося. Аварии происходят ежедневно, в этой, к счастью, обошлось без серьезных травм. Я благодарен за это судьбе и намерен не терять контакта с Тимми и с его семьей.

Некоторые удивлены моим ответом. Если не считать пятисекундного интервью на поле, когда адреналин помогает сладить с поднесенным к моему лицу микрофоном, то это – максимум моего красноречия за все время выступления за команду. Тренер, зная этот мой пунктик, позволяет мне помалкивать на пресс-конференциях после матчей и самостоятельно разбирает игру.

В бой кидается один из репортеров:

– Вы сбили его из-за невнимательности? Некоторые свидетели утверждают, что вы в это время говорили по телефону.

Я поджимаю губы. Какие еще свидетели? Там не было ни

души.

– Вы в курсе, что Тимми предложили деньги за рассказ об этом происшествии? Говорят, вы кричали на него, отказывались вызывать «Скорую»...

– Дайте я отвечу, – раздается слабый голосок, и все поворачиваются к Тимми. Мать толкает вперед его инвалидное кресло, репортеры уступают им дорогу.

Проклятье!

Я протискиваюсь к ним. Какой-то репортер сует мне в лицо микрофон.

– Вы знали, что он будет здесь сегодня, Джек?

– Нет! – отмахиваюсь я.

Лоренс зовет меня обратно, но меня уже не остановить: нельзя допустить, чтобы подлая свора затравила мальчишку!

Пробившись к нему, я бросаю мяч. Он ловит его, я кладу руку на его худое плечико. Он совсем тощий, волосы коротко подстрижены, на носу очки. Одет в ярко-желтую футболку «Тигров» с номером 1 (моим), смотрит на меня во все глаза.

– Слушай, дружок, ты не обязан что-то отвечать. С репортерами лучше не связываться.

Он хмурится.

– Знаю, ты не велел мне приезжать, но мама сказала, что привезет меня. Мне трудно отказать, когда я принимаюсь ныть.

Я смотрю на Лауру. Та с улыбкой пожимает плечами.

– Всю ночь клянчил! Боюсь, он три дня подряд только и

делал, что смотрел матчи по *ESPN*. Он тревожился за вас, особенно когда слышал, что вас обвиняют в пьяной езде.

С какой стати мне быть пьяным при отъезде со стадиона? Никто об этом не спрашивает, им лишь бы посудачить.

Нас теснят репортеры, я останавливаю их свирепым взглядом:

– Назад! Он всего лишь ребенок!

Впрочем, Тимми купается во внимании, он уже болтает с Джоном из *ESPN*, каким-то образом оказавшимся по другую сторону инвалидного кресла.

– Тимми, расскажи, как все было. – Тот тычет микрофоном в детское личико.

Тимми окидывает Джона взглядом, его подбородок торчит как острие копья.

– Я расскажу. Мистер Хоук на меня не кричал, тот, кто это говорит, – лгун. Он сразу вызвал «Скорую» и даже поехал на ней со мной, потому что мама еще не знала, где я. Я приехал в Нэшвилл на автобусе, взял в аренду самокат, обдурил охрану и заехал на стоянку стадиона.

– Ты заядлый болельщик «Тигров»? – спрашивает его Джон, зло косясь на меня. – Сейчас многие не хотят за них болеть.

Я скрежещу зубами. Тимми кивает.

– Джек сидел со мной, пока мне вправляли перелом и накладывали гипс. Он ушел только ночью. И не собираюсь я продавать никакую историю, потому что продавать нечего. –

Он укоряет репортеров взглядом, и я не могу удержаться от гордой улыбки.

Правда, часть меня подозревает, что его мать рассчитывала на большее. Трудно было не заметить, что эта семья не слишком процветает. Одеты чисто, но бедненько, квартира в Дейзи...

Дейзи?

Я замираю, осознав связь, но Тимми продолжает говорить, и я переношу все внимание на него.

– Мистер Хоук – мой любимый игрок «Тигров», я подкарауливал его у стадиона, думал увидеть. В школе меня задирают, мне это надоело, в тот день я решил прогулять школу, чтобы посмотреть на него. Я ждал, когда он выйдет. – Он грустнеет. – Сам виноват...

– Ты не виноват, не говори так! – не выдерживаю я. – Я должен был удостовериться, что позади машины никого нет.

– Насколько серьезно ты пострадал, Тимми? – спрашивает кто-то. В меня как стрела втыкается язвительный взгляд.

На этом поле мне не выиграть.

– Ничего серьезного, в понедельник пойду в школу. – Тимми улыбается. – В кресле хорошо, но на самом деле оно мне не нужно. Мама не согласна, она говорит, что в нем я, по крайней мере, не ерзаю. – Снова улыбка. – Со мной трудно сладить...

– Зачем ты сюда приехал, Тимми? – спрашивает мальчишку Джон, поглядывая на меня. – Может, тебе дали денег?

Я закипаю. *Он это серьезно?* Наверное, выражение моего лица выдает мои мысли, потому что Джон бледнеет.

– Я хочу поддержать мою любимую команду и моего любимого игрока. Все, что вы о нем рассказываете, – неправда. Он оплатил мои больничные счета, и он... он...

– Что? – подгоняет его Джон.

Тимми кусает губы и взглядом просит у меня прощения.

– Завтра утром он приедет в Дейзи, чтобы со мной позавтракать, а еще... еще он побудет со мной.

Какого черта?

Все взгляды прикованы ко мне. Я смотрю на Лоренса, который вместе с Девонем сместился в мою сторону. Девон смеется, в башке у Лоренса – я это ясно вижу – вращаются шестерни.

Они оба знают, что я не давал на все это согласия...

– Он придет ко мне в школу и расскажет, что значит быть знаменитым квотербеком.

Я вздыхаю. Тимми – умелый манипулятор.

Мальчик смотрит на меня большими глазами.

– Мистер Хоук сказал, что хочет поддержать наш городок: он сыграет роль в нашем спектакле. Моя мама – режиссер! – Он радостно поворачивается к репортеру. – Он будет моим лучшим другом!

– Вот это да! – Девон, подобравшийся вплотную ко мне, присвистывает. – Не знал, что у тебя такой гибкий график. Может, ты и мне поможешь?

– Полегче!.. – Лоренс щурит зеленые глаза. – Держи язык за зубами. Мало ли кто что несет...

Я внимательно смотрю на Тимми, разговаривающего с репортерами, и вспоминаю душераздирающую картину: щуплое тельце со сломанной рукой под бампером моего бульдозера и переломленный надвое самокат... Ну и натерпелся я тогда страху! Чудо, что мальчик не погиб.

– Все это правда? – вопрос задает одна из репортерш, у нее после беседы с Тимми глаза на мокром месте: Тимми живописал ей недавнюю кончину своего папаши. Он – идеальный кандидат на главную роль в репортаже «Вернем Джеку Хоуку утерянный престиж».

Я тяжело перевожу дух. Мне не по нраву использовать эту ситуацию себе на пользу, но...

– Да. Тимми молодец. Мы с ним будем закадычными друзьями.

– Хочешь, угощу, красотка?

Голос доносится справа, когда я пью через соломинку ледяную воду из высокого стакана за стойкой бара. На лбу у меня капли пота, тушь размазалась – я вижу себя в зеркале напротив стойки во всей красе; точно знаю, что назвать меня сейчас «красоткой» можно только в насмешку.

Я не достаиваю нахала вниманием, достаточно того, что в зеркале отражается рослый малый с торчащими в разные стороны клоками залаченных волос.

– Не хочу. – Я знаком прошу у бармена новый стакан с водой. – Только поменьше льда.

Я промокаю платком потный лоб и ключицы. Липовый индеец наклоняется ко мне, я чувствую запах дорогого лосьона после бритья – так пахнет море.

– Серьезно? – шепчет он. – Пытаешься меня отшить? Сначала меня пугаются, но потом, познакомившись поближе...

– Попробуй счастья с другой *красоткой*. – После вчерашней ночи мне совсем не до мужчин.

Бармен ставит передо мной полный стакан, и я принимаюсь жадно пить.

Лжемогавк усмехается:

– Жажда замучила?

– Ты еще здесь? – Я достаю из надетой через плечо сумочки телефон и притворяюсь, что ищу что-то в интернете.

– Ага. Удивительно, что ты еще не попросила у меня автограф. Ты часто здесь бываешь? Раньше я тебя не видел, а я знаю всех завсегдатаев. Здесь у меня водопой.

Автограф?

Любопытство заставляет меня повернуться и взглянуть на приставалу. Он верзила, не меньше шести футов двух дюймов роста, с рыжими волосами, руки покрыты татуировками.

Я приподнимаю бровь при виде его рубашки с красными молниями.

– Нет, нечасто. Просто у друга день рождения.

Я указываю на Тофера с Майклом и всю их компанию. Они изображают лесбиянок: прически а-ля мадам Помпадур, черные кожаные куртки поверх белых футболок, расчески в задних карманах джинсов. Две девушки – их привел Майкл – натянули жилетки, как у *Pink Ladies*, и юбки с пуделями. Точь-в-точь съемочная команда фильма «Бриолин»! Тофер вывернулся наизнанку, чтобы добиться максимального сходства. Мы рано поужинали в тайском рестора-

не на Второй авеню и перебрались сюда, чтобы потанцевать. Тофер спланировал все от начала до конца. За что я его обожаю, так это за то, что он очень любит доставлять удовольствие другим людям.

Могавк смотрит, как вся эта компания отплясывает под *Who Let the Dogs Out*, потом снова поворачивается ко мне с веселым видом. Он разглядывает мои волосы с помпезным начесом, красные туфли на шпильках, черные кожаные брюки (мне трудно в них дышать), спущенную с плеч узкую черную блузку.

– Я понял, ты – Оливия Ньютон-Джон в эпилоге «Бриолина»? Горячая Сэнди?

– Ммм... Какая догадливость!

Его не берет мой сарказм. Будь я в лучшем настроении, мне, может, польстило бы его внимание и понравилась бы его рубашка. Она идеально на нем сидит: обтягивает грудь, но не топорщится, короткие рукава облепляют бицепсы. Дорого, сделано на заказ. Мне такой фасон не нравится, но ткань интересная. Ромео пришлось бы по нраву новое покрывало из нее. Я делаю мысленную заметку: надо будет поискать в интернете.

– Между прочим, я – Девон Уолш. – Он выжидающе смотрит на меня, как будто от меня требуется какое-то действие. Я и действую: медленно и беззвучно аплодирую:

– Как мило! Девчачье имя.

Он склоняет голову набок.

– Нет, серьезно, вы меня не знаете? А так? – Он запускает пальцы в свою взъерошенную шевелюру. – Это же моя визитная карточка! С самой школы!

– Некоторые мужчины достигают высшей точки своего развития еще в школе. Нашел чем хвастаться!

Он запрокидывает голову и хохочет, глаза горят. У него интересное лицо: нос выглядит так, словно его ломали как минимум один раз, легкая непропорциональность – это тоже плюс. В каждой мочке по черному колечку, поблескивающий от софитов пирсинг подчеркивает прямые черные брови. Через руку переброшена неоново-синяя кожаная куртка. В общем, он неплох.

– Лучше скажи, где ты взял эту рубашку.

Он кривит губы.

– А ты забавная! Но ты ошиблась: я еще не достиг высшей точки, восхождение продолжается. – Он тычет пальцем себе в грудь. – Нравится?

Я киваю.

– Хочешь потрогать, детка?

Я закатываю глаза. Что со мной не так, почему за последние два вечера ко мне клеятся такие разные горячие парни? В этот раз дело, видимо, в моих кожаных штанах, вопящих: «Ищу, с кем бы весело провести время».

А на что клюнул Джек? Он же увидел меня в моем рабочем облачении...

Я отворачиваюсь от верзилы.

– Я тебе не *детка*. И не *красотка*.

– Тогда назови свое имя.

– Не подумаю!

Он цокает языком.

– Скажи просто, как тебя зовут. До фамилий дойдем позже.

Раз он говорит «позже», значит... *Не вздумай снова дать слабину!*

Я указываю кивком на брюнетку напротив:

– Лучше займись ей. Она оценит твой натиск. Уже глазеет на тебя так, словно ты – сникерс кинг-сайз.

Он пожимает плечами.

– Я положил глаз на тебя. Увидел – и все остальные исчезли. Я, конечно, не фотограф, но прекрасно представляю нас вместе.

Мне смешно.

– Как способ подцепить девушку это никуда не годится. Но настойчивость похвальна.

– Ничего не могу с собой поделаться. Я уже не хозяин своему языку. Кстати, обычно мой способ срабатывает. Стоит мне назвать свое имя – и девушки валятся к моим ногам штабелями. Извини! – Он усмехается, по его виду не скажешь, что ему стыдно.

– Говорю же, мне неинтересно. Мне надо просто убить время, а потом домой, к Ромео.

– Ромео – твой парень?

– Домашняя свинка.

Он со смехом вертит в руках пивную бутылку.

– Возможно, мои шансы подросли бы, если бы я сказал, что тебе посчастливилось говорить с лучшим принимающим во всей стра...

– Что?! – вскрикиваю я и чуть не роняю стакан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.